

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930+323 / 324 / 325+316

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
педагогический университет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СЛУЖАЩИХ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Сотрудники органов сельской муниципальной власти не считают национальные и конфессиональные вопросы первостепенными в своей деятельности. В их восприятии развитие национальной и конфессиональной ситуации в РФ и ее субъекте Омской области, не говоря о сельских районах, не является содержанием единого процесса. В оценке причин кризисных явлений доминируют факторы внешнего порядка. На мнение по данным вопросам оказывают влияние официальные средства массовой информации и факт причастности к органам власти. Служащие сельских муниципальных образований могут испытывать затруднения с принятием каких-либо решений по вопросам национальных и конфессиональных отношений.

Ключевые слова: муниципальный служащий, национальная политика, этноконфессиональные проблемы.

В ноябре 2014 г. в Омском государственном педагогическом университете были проведены 72-часовые курсы «Реализация национальной государственной политики в Российской Федерации». Программу курсов разработали известные специалисты в об-

ласти этноконфессиональных вопросов с опытом работы в структурах исполнительной и законодательной власти, аналитических и партийных структурах [1]. Для изучения проблемы слушатели получили раздаточные материалы, в числе которых были

Оценка значимости проблем, стоящих перед Российской Федерацией [4]

Проблема	Рейтинг 05.11.2014	Место в рейтинге	Рейтинг 18.11.2014	Место в рейтинге
Военные угрозы извне	18	5	22	2
Возможность повторения распада страны	17	6	21	3
Бедность населения, разрыв в уровне жизни	19	4	12	7
Опасность возобновления боевых действий на Северном Кавказе	21	3	24	1
Коррупция	18	5	10	8
Недостаточное бюджетное финансирование субъектов РФ	19	4	16	5
Сложности в восстановлении наукоемкого производства	23	2	17	4
Низкий образовательный и культурный уровень населения	21	3	15	6
Пестрый национальный и религиозный состав населения	23	2	15	6
Наплыв мигрантов из КНР и бывших республик Средней Азии	24	1	22	2

хрестоматия по проблемам национальной и региональной безопасности и текст статьи «Формирование протестных настроений в национальной среде и возможности их локализации» [2, 3]. Слушатели — 35 сотрудников, из них 21 — заместитель главы поселения; 1 — председатель районного совета; 1 — глава городского поселения; 7 — главы сельских поселений; 2 — специалисты сельских администраций; 3 человека должность не обозначили.

В ходе работы со слушателями были проведены опросы и собеседования, материалы которых послужили основой для написания данной статьи.

Для обозначения общих характеристик в первый опросный лист были введены такие показатели, как возраст, образование, стаж работы в органах муниципальной власти (МВ) и занимаемой должности (ЗН), время занятий слушателя национальной проблематикой.

Раздел «Возраст» заполнили не все слушатели. В результате были получены следующие данные: 25–35 лет — 6 (17,1 %) чел.; 36–45 лет — 4 (11,4 %); 46–60 лет — 18 (51,4 %); 61 год и старше — нет.

В разделе «Образование» ряд респондентов указали на наличие двух дипломов. В результате представляется возможным говорить о наличии гуманитарного образования у 16 (46,4 %) слушателей; технического — у 5 (14,5 %); юридического — у 4 (11,6 %); экономического — у 4 (11,6 %); другое образование указали 3 (8,7 %) слушателя.

При этом у одного (2,9 %) слушателя было среднее специальное образование. Таким образом, гуманитарное, юридическое и экономическое образование имели 20 (57,15 %) слушателей. Опрос выявил отсутствие у всех респондентов управленческого образования.

Стаж работы в органах власти был разбит на временные отрезки и показал следующее: до 5 лет в органах МВ работали 7 (20 %) чел.; 5 лет и более — 6 (17 %); 10 лет и более — 10 (29 %); 15 лет и более — 8 (22,6 %); 20 лет и более — 4 (11,4 %).

Стаж работы в ЗН был разбит на временные отрезки и показал следующее: до 5 лет в ЗН работали 16 (46,4%) чел.; 5 лет и более — 9 (25,7 %); 10 лет и более — 3 (8,7 %); 15 лет и более — 2 (5,8 %); 20 лет и более — 2 (5,8 %).

На вопрос: «С какого времени курируете вопросы национальной и профессиональной политики?» — ответило наименьшее число слушателей: до 5 лет —

8 (22,8 %) чел.; 5 лет и более — 5 (14,3 %); 10 лет и более — 4 (11,4 %); 15 лет и более — 2 (5,8 %). Один из опрашиваемых указал неделю стажа. Учитывая, что только 19 (54 %) чел. из 35 ответили на вопрос, можно предположить, что проблема деятельности в сфере национальных отношений не ставилась.

В первую группу вошли вопросы, относящиеся к различным аспектам национальных, социально-экономических и международных отношений и порождаемые ими проблемы, касающиеся Российской Федерации.

Так, слушателям в начале работы и по ее завершении было предложено распределить по значимости проблемы, стоящие перед Российской Федерацией. При этом из 10 указанных пунктов необходимо было выбрать 5, определив значимость от 1 до 10 баллов. Результаты представлены в табл. 1.

При этом следует отметить, что как до проведения занятий, так и после таковых в пятерке значимых проблем остались:

- наплыв мигрантов из КНР и бывших республик Средней Азии;
- опасность возобновления боевых действий на Северном Кавказе;
- военные угрозы извне;
- сложности в восстановлении наукоемкого производства;
- недостаточное бюджетное финансирование субъектов РФ.

Результаты распределения респондентами предложенных регионов с межэтническими конфликтами по уровню нестабильности отражены в табл. 2. Для оценки сложившейся ситуации была использована 7-балльная шкала.

Следует отметить, что при одинаковом рейтинговом показателе Чеченской Республики и Республики Дагестан отдельные респонденты указывали Чеченскую Республику на четвертом месте, причем после Крыма, оставляя первенство за Республикой Дагестан. Омская область места в рейтинге не получила.

Кроме того, слушателям было предложено указать, какие факторы делают возможным национальный конфликт, дав при этом не более трех вариантов ответа. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Можно предположить, что закрепление первого места за «внешним фактором» произошло под воздействием воспоминаний о распаде СССР, кон-

Таблица 2
Уровень нестабильности в регионах Российской Федерации [4]

Регион	Рейтинговое значение	Место в рейтинге
Чеченская Республика	31	1
Республика Дагестан	31	1
Поволжье	26	3
Республика Алтай	2	5
Тыва	9	4
Омская область	–	–
Крым	28	2

Таблица 3
Факторы, делающие возможным национальный конфликт на территории Российской Федерации [4]

Критерий	Рейтинговое значение	Место в рейтинге
Большое количество наций и народностей, проживающих в регионе	9	4
Процентное соотношение государственно-образующей нации и других народов	7	6
Некорректно написанная история региона	14	3
Наличие экономических интересов, реализация которых возможна путем создания национально-территориального образования	8	5
Влияние внешнего фактора	19	1
Низкий уровень жизни одной из национальных диаспор	18	2

фликта на Украине и влияния средств массовой информации (СМИ). Отнесение такого фактора, как низкий уровень жизни, ко второму месту в рейтинге является, на наш взгляд, устойчивым мнением, сформировавшимся под влиянием как образования и воспитания, так и СМИ. Третье место, отведенное слушателями некорректно написанной истории региона, — следствие образования и прочитанного в ходе занятий курса лекций.

При ответе на вторую группу вопросов слушатели оценивали состояние национальных отношений в Омской области и ее сельских районах.

Ответ на вопрос «Какие национальности проживают на территории Вашего района?» дал классическое перечисление первой пятерки национальностей: русские, казахи, татары, украинцы, немцы.

Опрошенные заявили, что достаточно часто встречаются с представителями национальных и религиозных организаций. Исключение — 2 (5,7 %) слушателя. Однако о какой форме встреч ведут речь респонденты? О встрече по хозяйственно-бытовому вопросу или связанной с национальной проблемой?

Следует отметить, что ответа на вопрос «Какие проблемы национальных и религиозных отношений стоят в Вашем районе и приходилось ли Вам их решать?» никто из слушателей не дал. При этом 3 (8,6 %) респондента допускают возможность в районе конфликта на национальной или религиозной почве.

На вопрос: «Имеет ли место национальная проблема на территории?» — были получены следующие ответы: применительно к Омской области: «да» ответили 2 (5,7 %) чел., «нет» — 10 (28,6 %) чел., «практически нет» — 20 (57,2 %) чел., «затрудняюсь ответить» — нет; применительно к району проживания слушателя: «да» ответил 1 (2,9 %) чел., «нет» —

25 (70,4 %) чел., «практически нет» — 6 (17,1 %) чел., «затрудняюсь ответить» — нет. Необходимо отметить, что 3 (8,6 %) слушателя не приняли участия в заполнении ответа на данный вопрос.

На просьбу уточнить суть проблемы («Если есть, то какая?»), озвученную 5 ноября 2014 г., были получены следующие ответы:

- незаконное строительство культовых сооружений и памятных знаков отметили 4 (11,4 %) чел. (Большеуковский, Одесский, Тевризский районы);
- деятельность баптистов — 2 (5,8 %) чел. (Большеуковский, Таврический районы);
- приток мигрантов — 1 (2,9 %) чел. (Русско-Полянский район).

Во время практических занятий 10 ноября 2014 г. слушателями были озвучены следующие проблемы межнациональных отношений:

- наличие теневого рынка труда и услуг, представленного выходцами с Украины и из Армении (проблема озвучена представителем Любинского района);
- привлечение учащихся к религиозной деятельности мусульманским духовенством и сектантами (проблема озвучена представителями Тевризского и Усть-Ишимского районов и поддержана аудиторией);
- строительство мечетей за счет привлеченных из других государств средств (проблема озвучена представителем Тевризского района и поддержана аудиторией);
- конфликтные ситуации между чеченцами и казаками (проблема озвучена представителем Крутинского района);
- отказы паспортно-визовой службы в предоставлении информации о прибывших мигрантах (проблема озвучена представителем Крутинского района и живо поддержана аудиторией);

Представление слушателей о восприятии мигрантов жителями сельских районов [4]

Мигранты — это...	Рейтинг 05.11.2014	Место в рейтинге	Рейтинг 18.11.2014	Место в рейтинге
Люди, отбирающие работу у односельчан	8	3	6	3
Дешевая рабочая сила, используемая местным бизнесом	11	2	11	2
Источники криминогенной ситуации	4	4	4	4
Потенциальные захватчики	—	—	—	—
Обычные люди	29	1	21	1

— необходимость написания истории муниципальных районов, отражающей взаимоотношения наций и народов (проблема озвучена представителями Москаленского, Муромцевского районов и подержана большинством аудитории, но с оговоркой об отсутствии денег);

— высокий уровень реальной безработицы в национальных населенных пунктах (проблема озвучена представителем Колосовского района и подержана частью аудитории).

На вопрос: «Какие проблемы национальных и религиозных отношений стоят в Вашем районе и приходилось ли Вам их решать?» — «нет проблем» ответили 26 (76,1 %) слушателей. Среди проблем, в решении которых участвовали или решением которых занимались слушатели, были названы:

- организация мест для проведения религиозных мероприятий;
- адаптация мигрантов;
- работа с баптистами.

На вопрос: «Возможен ли в Вашем районе конфликт на национальной или религиозной почве?» — последовала следующая серия ответов: «нет» — 19 (54 %) чел.; «скорее да» — 1 (2,9 %) чел.; «маловероятно» — 5 (14,3 %) чел.; затруднились ответить 2 (5,7 %) чел.; 8 (22,9 %) чел. не заполнили раздел.

Дважды (5 и 18 ноября 2014 г.) слушателям была дана возможность ответить на вопрос «Мигранты воспринимаются населением Вашего района как...» (табл. 4).

Необходимо отметить, что 29 слушателей, заполнивших опросные листы 5 ноября 2014 г., считают, что мигранты — это обычные люди, причем 17 — данной графой и ограничились. Это расходится с показателями рейтинга проблем, стоящих перед РФ, где «Наплыв мигрантов из КНР и бывших республик Средней Азии» имеет рейтинговый показатель «24» (1-е место). Впрочем, слушатели, скорее всего, не проецируют ситуацию в РФ ни на Омскую область, ни на свой район. При этом 5 слушателей выбрали только графу «Дешевая рабочая сила...»; 8 — «Люди, отбирающие работу у односельчан»; 3 — «Источники криминогенной ситуации». Обозначено сразу несколько вариантов ответа: в 5 случаях совпали графы «Люди, отбирающие работу...» и «Дешевая рабочая сила...» без указания на то, что мигранты являются «обычными людьми»; в одном случае совпали графы с первой по третью. Полученные данные, несомненно, отражают рост негативного восприятия мигрантов населением. Данные вторичного вопроса показали неизменность восприятия.

Третья группа вопросов носила общий характер и была связана с методами локализации возможных этноконфессиональных конфликтов.

На вопрос: «Являлись ли Российская империя и СССР колониальной империей?» — слушатели дали

следующие ответы: «да» — 2 (5,8 %) чел.; «нет» — 23 (71,4 %) чел.; «практически нет» — 2 (5,8 %) чел.; «затрудняюсь ответить» — 2 (5,8 %) чел. Причем, отвечая «да», один респондент отметил, что колониальной империей являлась Российская империя, а СССР таковой не был.

Отвечая на вопрос о формах и методах локализации национальных конфликтов, слушатели выделили создание федеративного государства и культурно-национальной автономии. При этом следует отметить, что 10 (28,6 %) чел. указали на возможность военного решения вопросов, связанных с этнонациональными проблемами; 1 (2,9 %) чел. допустил решение проблемы посредством судебных разбирательств; 1 (2,9 %) чел. указал на необходимость воссоздания Союзного государства.

На просьбу выделить наиболее действенные меры ограничения трудовой миграции (не менее двух) был получен результат, отраженный в табл. 5.

В данном случае следует обратить внимание на совпадение мер, предложенных слушателями (рейтинговые места 1, 2), с мерами, официально используемыми в РФ. Только на третьей рейтинговой позиции оказалась мера, активно предлагаемая европейскими правозащитниками, — уравнивание прав мигрантов с правами местных трудящихся. Идея поддержки бизнеса, не использующего труд мигрантов, получила поддержку менее 20 % слушателей и особенно взаимодействия работающего на территории бизнеса с различными уровнями власти. Преследование мигрантов в качестве меры, от кого бы оно ни исходило, не было поддержано слушателями.

На вопрос: «Использование иностранной рабочей силы (мигрантов) связано с...» (не менее двух) — получены ответы, представленные в табл. 6.

Откровением данных ответов стало появление на втором месте рейтинга причины, сформулированной как «возможность использования серых схем при оплате труда». Данная причина в представлении слушателей отодвинула на третье место точку зрения о нежелании россиян работать в сферах привлечения труда мигрантов. Впрочем, им там, на местах, виднее. Хотя отчасти данный ответ заставляет задуматься над графой «Коррупция» в табл. 1.

В дополнение к заданным вопросам, представленным читателю в качестве ответов, которые он вправе истолковать иначе, чем автор статьи, представим ответы еще на один вопрос: «Какие угрозы исходят от идеи создания оси Москва — Дели — Пекин?» На вторую позицию здесь вышел миграционный поток с Востока — 15 (42,9 %) чел. Правда, на первом месте оказались слушатели, затруднившиеся с ответом: 17 (48,5 %) чел. Далее — 2 (5,8 %) чел., указавшие в качестве угрозы противоречие НАТО — БРИКС,

Мера	Рейтинговое значение	Место в рейтинге
Выделение квот на использование труда мигрантов	26	1
Введение требований по знанию русского языка, истории и культуры	23	2
Преследование мигрантов со стороны национальных организаций и криминала	—	—
Введение равной оплаты труда и налоговых отчислений с зарплат мигрантов	14	3
Поддержка бизнеса, не использующего труд мигрантов	7	4

Таблица 6
Мнение слушателей о причинах использования рабочей силы мигрантов [4]

Ответ	Рейтинговое значение	Место в рейтинге
Нехватка рабочих рук в РФ	2	5
Возможность использования серых схем при оплате труда	23	2
Дешевизна труда мигрантов	29	1
Нежелание российского населения работать в сферах привлечения труда мигрантов	10	3
Лоббизм со стороны находящихся в РФ национальных диаспор	3	4

и 1 чел. (2,9 %), не увидевший в создании оси никакой угрозы.

Среди факторов, неблагоприятно влияющих на развитие страны, географическое положение выделили 7 (20 %) чел.; численность населения — 2 (5,8 %) чел.; оборонную мощь — 4 (11,4 %) чел.; экономическую силу — 4 (11,4 %) чел.; финансовую мощь — 3 (8,6 %) чел.; развитие науки и технологий — 2 (5,8 %) чел. При этом 12 (34,2 %) слушателей среди неблагоприятных факторов указали на обеспеченность природными ресурсами, подтвердив свое отношение к теории «нефтяного проклятья». Остальные от ответа уклонились.

В заключение можно отметить, что:

— сотрудники сельской МВ не считают национальные и конфессиональные вопросы первостепенными в своей деятельности;

— развитие этноконфессиональной ситуации в РФ, Омской области и сельских районах в их восприятии не является содержанием единого процесса;

— среди причин кризисных явлений доминируют факторы внешнего порядка;

— на мнение по тем или иным вопросам оказывают влияние преимущественно официальные СМИ и факт причастности к органам власти.

Книжная полка

Циркин, Ю. Б. История римской культуры : учеб. пособие / Ю. Б. Циркин. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 336 с. — ISBN 978-5-16-010216-0.

Римская культура, которая сыграла большую роль в развитии общей культуры человечества, в том числе русской культуры, в учебниках и учебных пособиях, однако, отодвигается в тень на фоне культуры Древней Греции. Между тем ее изучение очень важно для понимания общей культурной истории мира, Европы, России. Пособие является первым подобным пособием в России и одним из немногих в мире.

Библиографический список

1. Гарафутдинова, Н. Я. Крутой стол «Реализация государственной и национальной политики в РФ» / Н. Я. Гарафутдинова // Молодость. — 2014. — № 11. — С. 4.

2. Вопросы региональной и национальной безопасности: хрестоматия : учеб. пособие / Сост. С. В. Новиков. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2003. — 160 с.

3. Новиков, С. В. Формирование протестных настроений в национальной среде и возможности их локализации / С. В. Новиков // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2014. — № 5 (132). — С. 5–8.

4. ИсАОО (Исторический архив Омской области). Ф. 9618. Текущий архив. Материалы курсов «Реализация национальной государственной политики в Российской Федерации». Опросные листы (05.11.2014 г., 18.11. 2014 г.).

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой управления образованием.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2016 г.

© С. В. Новиков

РОЛЬ ГАЛЕНА В РАЗВИТИИ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ ВО ВЗГЛЯДАХ С. Г. КОВНЕРА И Л. З. МОРОХОВЦА

В статье на основе работ С. Г. Ковнера (1878) и Л. З. Мороховца (1903) раскрываются направления деятельности знаменитого ученого древности Галена. Особое внимание уделено работам в области физиологии, анатомии, философии, а также диагностике и течению заболеваний. При этом Гален отразил признаки, свойственные многим заболеваниям и уже известные, например цвет кожи, лихорадочные состояния и др. В тексте приводятся наименования его работ, цитируются выдержки из них, что позволяет получить более точное представление о деятельности этого знаменитого ученого.

Ключевые слова: С. Г. Ковнер, Л. З. Мороховец, история медицины, Гален, физиология, анатомия.

Введение. Весомый вклад в историю медицины внес Савелий Григорьевич Ковнер, что доказывает его труд «История медицины» (1878). То же можно сказать и о труде Льва Захаровича Мороховца «История и соотношение медицинских знаний» (1903). Сохранились единичные экземпляры этих книг, поэтому будет небезынтересно для читателя содержание и анализ этих трудов о знаменитом ученом древности Галене. Думается, что статья поможет подробнее узнать о творчестве Галена в результате исследования трудов этих авторов, что может быть использовано не только обучающимися медицине, но и преподавателями.

По мнению С. Г. Ковнера, Гален практически единственный в числе древних эклектиков, но вместе с тем он глава экспериментальной школы, творец анатомии человека, экспериментальной физиологии и местной диагностики [1]. Гален собрал и систематизировал медицинские знания, известные до него, и обогатил их собственными наблюдениями. Его интересовала связь между медициной и философией. В диалектике Гален следует философии Аристотеля. Так, например, в учении о пульсе полноту пульса относит к категории количества, а не качества. Как и Платон, Гален рассматривает природу телеологически. Сущность души Гален определяет как «темперамент» основных четырех качеств или элементов. Гален утверждал, что чувства никогда не доставляют верного знания, а чувственное восприятие считал единственным средством познания.

В одном из своих сочинений «*Quod optimus medicus sit quoque philosophus*» он стремится доказать, «что хороший врач должен быть в то же время философом». Гален считал, что медицина не может быть отделена от философии, врач должен знать логику, физику, этику, врач должен презирать деньги, отличаться умеренностью, должен стремиться к истине и разрешать насущные вопросы при помощи рационального метода.

В книге Л. З. Мороховца «История и соотношение медицинских знаний» отводятся страницы и творчеству Галена с анализом его трудов и ошибочных воззрений.

В своих сочинениях Гален придерживался телеологического учения. Напомним, что это греческий термин и означает он идеалистическое учение, приписывающее процессам и явлениям природы цели, которые устанавливаются Богом (Х. Вольф) или являются внутренними причинами природы (Аристотель, Г. Лейбниц). Диалектический материализм противопоставляет телеологии детерминизм — учение об объективной закономерной взаимосвязи явлений природы и общества (Советский энциклопедический словарь, 1985). Несмотря на встречающиеся в сочинениях ученого многие неточности, особенно в физиологии и анатомии, сочинения Галена по анатомии и физиологии составляют самую важную часть его работы, хотя достоверно неизвестно, какие работы принадлежат ему, а какие — его предшественникам.

Гален использует анатомию для доказательства целесообразности построения органов, а это, в свою очередь, привело к накоплению большого количества анатомического материала. Гален проводил многочисленные исследования, используя при этом трупы животных, младенцев, раны гладиаторов и другие исходные материалы. Весьма тщательное описание Гален дал по остеологии нервной системы, центральной и периферической, а также отдельных органов. По мнению Л. З. Мороховца, неврология Галена — это лучшая часть его анатомии, особенно описание блуждающего нерва. С этим мнением согласен и С. Г. Ковнер: «Неврология составляет самый блестящий отдел анатомии Галена».

Что касается физиологии Галена, то она изложена во многих его трактатах, в частности в «*De usu partium*», включающем 17 книг, в которых идет речь о конечностях, органах питания, органах дыхания и органах воспроизведения. Семнадцатая книга — это, как предполагал Гален, эпилог всего трактата. Во всем трактате присутствует телеологическое направление.

Рассматривая частную физиологию Галена, С. Г. Ковнер подчеркивает, что она имеет «чрезвычайное значение, так как Гален во многих ее отделах впервые в обширных размерах положил в ее основа-

ние эксперимент» [1]. Гален не только оставил после себя то, что было уже собрано до него, но и имеющиеся сведения дополнил собственными достижениями. По совокупности знаний Галена, пожалуй, можно с полным правом назвать энциклопедистом своего времени. Он изучил математику, астрономию, философию и другие науки. «Все части учения Галена тесно связаны между собой и образуют вполне законченную, цельную систему».

Считается, что авторству Галена принадлежит 434 написанных труда. Назовем лишь несколько: полное издание — «Opera ex octava iuntarum editione guae superioribus praestet, pagiga versa ostendit ad amplissimum venetorum medicorum collegiums. Venetiis. Apud juntas, MDCIX», «Opera omnia. Elitionem curavit D. Carolus Gottlob Kuhn, Proffessor physiologiae et pathologiae in literarum Universitate Lipsiensis publicus, ordinarius ets. Lipsiae. Spnoblochii 1821 — 30». Известность Галену принесли такие труды по анатомии, как «De anatomicis administrationibus», которое можно назвать основным, а также «De nervorum dissection», «De uteri dissection» и другие. По мнению автора, Гален приобрел выдающееся положение, поэтому термин «галенизм» фактически выражал большое значение трудов ученого.

Другим исследователем творчества Галена, как уже упоминалось, является Лев Захарович Мороховец, физиолог и историк медицины. Среди его главных трудов значится монография «История и соотношение медицинских знаний» (1903). По мнению Л. З. Мороховца, «после Галена нельзя отметить более или менее выдающихся писателей по анатомии не только в Греции и Риме, но и в прочих европейских государствах вплоть до XIII в.» [2]. Однако надо заметить, что изучение анатомии не прекращалось даже в самые тяжкие времена Средневековья, для которых характерен упадок интереса к естественным наукам. Интересен исторический факт о том, что в 1224 г. Фридрих II издал приказ о проведении публичных вскрытий трупов через каждые пять лет, вероятно понимая, как необходимы знания в области анатомии для врачей. И в других городах Италии уже производились анатомические демонстрации, материал для которых были трупы из вскрытых могил, казненные и другие.

Однако недостаток знаний и техники не способствовал развитию знаний анатомии, но уже тогда в города, где не было университетов, приглашали профессоров для проведения вскрытий. Можно констатировать факт, что был застой со времен Галена до Мондино (Раймондо деи Льючи) из Болоньи, который издал первое после многих лет сочинение по анатомии. Сочинение этого автора почти 200 лет было единственным руководством по анатомии. Пожалуй, это было сочинение, которое обратило внимание врачей европейских стран на важность знания анатомии для медицины.

Следуя выводу Л. З. Мороховца, несмотря на шаткость телеологических взглядов Галена, изложение и объяснение функций, в общем, заслуживают внимания как по подробному и обстоятельному изложению, так и по верности многих объяснений.

Осуждая сторонников атомистической теории за непоследовательность, Гален не замечал ошибок на страницах собственных книг, причиной которых было общераспространенное мировоззрение из трудов Платона, Аристотеля и других философов. При этом надо отметить, что со своей стороны Гален внес немало ошибок в учение о жизни. Говоря о Галене как исследователе, надо напомнить, что он произво-

дил и вивисекции, которые давали ему возможность приходиться к положительным результатам. Примером тому является правильное описание механизма дыхания, что было подтверждено перерезкой спинного мозга, ведущей к параличу мышц. Помимо того что Гален наблюдал непосредственно легкие при акте дыхания у раненных в грудную клетку, он проводил наблюдение работы сердца на больной с разрушенными участками грудных костей. Однако эти и другие наблюдения не привели Галена к ясному представлению о кровообращении. Одна из его работ «De motu musculorum» признается первым научным трудом по физиологии движения, в основе которого лежит и вполне здравая анатомия, и целесообразный эксперимент.

Гален был первым физиологом, который ввел в медицину и физиологию вивисекцию и эксперимент. Его эксперименты чрезвычайно жестоки, основным инструментом у него служил нож. Если представить себе, какие жуткие опыты ученый проделывал на животных, делается страшно. Как он мог выдерживать страдания живых существ и оставаться жить человеком. Наиболее выдающимися трудами в области физиологии стоит назвать «De usu partium corporis humani», «De motu musculorum», «De causis respirationis».

До эпохи Возрождения, пожалуй, нельзя отметить что-либо выдающееся в изучении феноменологии (исследовании форм сознания и др.). Однако Гален имел могущественное влияние в течение четырнадцати веков благодаря своей изумительной учености, знакомству со всеми науками и школами древности, своей аналитической проницательности, здравому и критическому уму.

Физиология нервной системы у Галена, при изучении которой он использовал эксперимент, значение центральной и периферической нервной системы в психической и животной жизни, содержит не только истины, но и многие заблуждения. Твердая мозговая оболочка сухожильного свойства и предохраняет мозг от толчков и ушибов о черепную кость, а мягкая — защищает от давления твердой на мягкую оболочку. В большом мозгу и мозжечке Гален различал 13 частей, в частности большую мозговую спайку, боковые или передние желудочки, III-й желудочек, IV-й желудочек, свод, пишчее перо — часть спинного мозга, Processus/s pedunculi cerebtrlli ad corpora quadri-gemina, конический прибавок мозга, червячок мозжечка, четверохолмие, воронку, мокротную железу и решетчатую кость; упоминает Гален и о medulla oblongata или pons Varollii. О сосудах мозга Гален дал весьма обстоятельное описание синусов и происходящих из них вен. Большое значение Гален придавал питанию мозга артериальной кровью. Далее автор описывает строение сосудов, связанных с мозгом и шейными позвонками, и приходит к выводу, что в мозгу все расположено наилучшим образом как для выработки и распределения Pneuma, так и для питания мозга.

У Галена находим обстоятельные описания нервов внутренних органов. С. Г. Ковнер пишет, что Галена следует считать «творцом научной нервной физиологии». Исходя из трудов Галена можно предположить, что различие между чувствительными и двигательными нервами он «усвоил для себя лишь впоследствии».

В настоящее время есть достаточно много определений понятия «здоровье». Гален считал, что здоровье — это состояние, в котором все отправления тела совершаются безболезненно и безостановочно.

Болезнь, по Галену, — это состояние смещения элементов или же оно заключается в расстройстве отравлений.

Причины болезни Гален делил на ближайшие и отдаленные, которые, в свою очередь, распадаются на внешние и внутренние. Внутренние причины (приготавливающие) состоят в основном в избытке или порче соков. Можно сказать, что учение Галена о происхождении болезней сводится к его учению о «темпераменте» и его видоизменениях, происходящих от преобладания одной из четырех основных влаг. Болезни, в зависимости от изолированного или комбинированного действия причин, бывают (по Галену): общие (без локализации из-за особенного порока влаги); общие с последовательной локализацией; местные без последовательной общей (врожденные); местные с последующей общей (лихорадки, воспаления).

Что касается симптоматиологии, то симптомы, по Галену, есть видимые последствия болезни и различны в разные периоды болезни.

Диагностика изложена в основном в труде «De locis affectis» и является одним из самых интересных отделов медицины Галена. Учитывая уровень диагностических возможностей в то время, Гален ограничивался в основном исследованием внешних проявлений, поэтому создал рациональную и посредственную диагностику. Как считают историки медицины, Гален использовал метод Эразистрата, основанный на анатомических и физиологических данных, позволяющих установить связь между пораженным местом и определенными симптомами, как видными, так и исчезнувшими, которые становились известными при опросе больного и его окружения. Даремберг, подводя итог используемым признакам, разделил их на 12. При этом отразил признаки, свойственные многим заболеваниям и уже известные, например характер испражнений, цвет кожи, лихорадочные состояния и другие.

Учение о течении болезней в значительной мере преобразовано; он делил их на скоротечные — от пороков крови и желтой желчи, разрешающиеся в течение 7 дней, и хронические — от слизи и черной желчи. Гален определил периоды заболевания: начало, усиление, разгар, уменьшение, которые, однако, могут быть выражены неполно или вовсе отсутствовать. Он считал, что, исходя из состояния сил организма, болезнь может быть легкой или тяжелой («есть врачи, которые гораздо меньше вредят, ничего не делая, чем делая слишком много»).

Воспаление занимает важное место в патологии Галена, который говорит о нем много, особенно в книге об опухолях «De tumoribus praeter naturam».

Исходной точкой всякого воспаления Гален считал повышение температуры пораженной части. Он различал восемь видов воспаления, в числе которых сухое, флегмонозное, рожистое, отечное, пневматозное, скиррозное и другие.

Общая терапия, по Галену, требует от врача основательных знаний в области анатомии и физиологии. «Здоровье — равновесие и гармония четырех элементов, влаг, однородных частей, органов, управляющих всем организмом», а «болезнь есть беспорядок, вторгнувшийся в гармонию и равновесие плотных частей, влаг и сил. Она проходит сама собой под влиянием сил природы или от вмешательства искусства, употребляющего противоположные средства; но в большинстве случаев врач должен только помогать усилиям природы». Природа сама образует, питает тело, руководит его функциями, она же и восстанавливает его. Задача врача поэтому не противодействовать природе, а предоставлять ей полную свободу действия в деле восстановления нарушенного здоровья («если не приносить пользы, то не вредить!»). Эти слова дошли до нашего времени и остаются актуальными.

Так заканчивается краткое описание творчества знаменитого врача-исследователя и философа древности Галена из Пергама, составленное на основе текстов трудов С. Г. Ковнера (1878) и Л. З. Мороховца (1903).

Выводы.

1. Отстаивая идеи телеологии, Гален нередко объективно вставал на материалистические позиции в вопросах философии и медицины.
2. Своими трудами Гален создал систему медицинских взглядов.
3. Гален впервые ввел в свою деятельность эксперимент.
4. На основе составляющих организм жидкостей Гален высказал мысль о причинах болезни тела.

Библиографический список

1. Ковнер, С. История медицины / С. Ковнер. — Киев : Университетская типография, 1878. — Вып. 1. — С. 823–939.
2. Мороховец, Л. История и соотношение медицинских знаний / Л. Мороховец. — М., 1903. — С. 9–10; 45; 47; 49.

ФЕДОРОВА Галина Васильевна, доктор медицинских наук, профессор (Россия), профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Адрес для переписки: alina4701@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2016 г.

© Г. В. Федорова

Книжная полка

История России с древнейших времен до наших дней : учеб. для вузов / Под ред. А. Н. Сахарова. — М. : Проспект, 2015. — 768 с.

Учебник написан с учетом последних исследований исторической науки и современного научного подхода к изучению истории России. Освещены основные проблемы отечественной истории, раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития России. Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также для всех интересующихся отечественной историей.

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ ОМСКА 1920—1930-х ГОДОВ (ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЗОР)

В статье представлен краткий исторический обзор развития архитектурно-художественного металла Омска и его стилевых особенностей периода конструктивизма. Приведен анализ металлических элементов наиболее характерных зданий и сооружений Омска 1920—1930-х годов. Обозначены тенденции преемственности эстетических и формообразующих принципов проектирования конструктивистов в современных архитектурно-дизайнерских направлениях.

Ключевые слова: архитектура Омска, конструктивизм, архитектурно-художественный металл, галерейные балконы, металлические ограждения.

В архитектуре и декоративном искусстве начала XX века формируются новые стилевые тенденции, обусловленные возрастающей потребностью творческих личностей создать остросовременный художественный язык и — как следствие — искусство будущего. Эти веяния непосредственно связаны с изменением приоритетов относительно декора в архитектуре. Отношение к орнаментации становится весьма неоднозначным и в профессиональных архитектурных кругах вызывает множество споров и дискуссионных суждений. В русле новых стилевых тенденций русский конструктивизм громко заявил о себе в 1910-е годы и «достиг своей зрелости» [1] на волне революционных событий. В условиях приоритетного поиска архитектурной выразительности объемов зданий и сооружений декоративная орнаментация не исчезает одновременно, а начинает двигаться к строгой рационализации линий в архитектурных элементах. Завершающая стадия эпохи модерна приводит к пониманию конструктивной логики и, соответственно, к изменению пластической трактовки металлического декора.

Выделяя местные черты и говоря о временных рамках стилистических предпочтений в архитектуре, подчеркнем, что освоение стилевых тенденций в Омске не всегда совпадало с хронологическим развитием архитектурных стилей в городах европейской части России. Как отмечает А. Н. Гуменюк в своем научном исследовании, «провинция оценивала происходящее чуть со стороны, со спокойным интересом и свойственной ей неспешностью», запаздывая порой на десятилетие [2, с. 7]. Ретардация первой волны модерна привела к более активному развитию рационального варианта стиля. Используя типичные для модерна мотивы, омские мастера кузнечного ремесла довольно быстро переходят к своеобразной их интерпретации в рамках нового конструктивистского мышления [3, с. 11]. Симметрия и строгость графического построения в композиции отражают специфику местных особенностей архитектурно-художественного металла. Таким образом, «конструктивная правильность» металлического декора в завершающей стадии омского модерна позволила без «эстетических потрясений» перейти

к провозглашенной конструктивистами чистоте форм.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть композиционные приемы в производстве архитектурно-художественного металла Омска, отражающие идеи конструктивизма.

Анализируя стилевые характеристики металлических элементов в архитектуре 1920—начала 1930-х годов, отметим, что декоративно-прикладное искусство, каким является художественный металл города, неотделимо от самой сути этого непростого времени, его трансформирующейся культуры, быта, нравов. Новая система ценностей всегда воспринимается сквозь призму определенной системы категорий, их смыслов, продиктованных культурой данной исторической эпохи [4, с. 28].

Характерной чертой революционного стиля явилось создание простых, логичных, функционально оправданных форм, в том числе и в декоративно-прикладном искусстве. Пропагандируя возможности технологического производства, приверженцы конструктивизма, наряду со стеклом и бетоном, возводят в приоритетные материалы и металл. Орнаментальные композиции металлодекора сменяются новыми эстетическими идеалами простоты и демократичности. Задачами конструктивизма прежде всего являлись чистота форм и ритмическая строгость в архитектурно-художественных изделиях утилитарного характера. В них ничего не должно было напоминать о «буржуазных излишествах», романтических изысках предшествовавших стилевых направлений, — приветствовались лаконизм и предельная простота.

Искусство художественной обработки металла уступает место современным средствам промышленного производства, которые способствуют применению инженерных технологий, заимствованных из области машиностроения.

В период активной фазы новаторских движений в области архитектуры и искусства Омск не оказался на периферии современных тенденций — здесь заявила о себе группа архитекторов-конструктивистов, сформировавших местную бригаду Современных архитекторов (СА). Организаторами группы

Рис. 1. Жилой комбинат для рабочих обозного завода, 1931–1932 гг. (инженер С. М. Игнатович, архитектор П. И. Русинов⁷)

стали преподаватели омского Худпрома¹ — П. И. Русинов, С. М. Игнатович и А. С. Огородников. В своих проектах они отстаивали «чистоту» конструктивистских форм. В архитектурных ансамблях органично и «немногословно» присутствовали прагматичность и конструктивная логика металлических элементов. Представляет интерес жилой комбинат для рабочих обозного завода (1931–1932; инженер С. М. Игнатович, архитектор П. И. Русинов; проспект Маркса, 33). Во всем облике здания отражены стилевые черты конструктивизма: подчеркнутая геометрия форм — строгость прямого угла, мерный ритм вертикалей оконных проемов лестничных маршей, протяженность горизонталей галерейных балконов, ограждения которых выполнены из металла в виде палубной решетки с горизонтальными тягами (рис. 1). Проектирование домов-коммун стало ярким явлением своего времени, однако принципы обобществления и коллективизма оказались дискредитированными стереотипами и ментальностью. Рафинированность конструктивизма не выдержала испытания индивидуализации собственности. Со временем балконы дома-комбината были реконструированы — исчезла эстетизированная линейная горизонталь, и в настоящее время на фасаде остались лишь следы от опорных двутавровых балок, по которым можно судить о протяженности рационально-строгих балконов.

В соответствии с курсом правительства на всемерное ускорение индустриального развития и форсирование социалистической промышленности в Омске в конце 1920 — начале 1930-х годов активно начинается развиваться авиация. Омская аэростанция определяется узловой², и 1931 году возникает необходимость строительства аэровокзала³. Впоследствии здание аэровокзала станет одним из наиболее значимых архитектурных памятников периода конструктивизма в Омске.

На волне прогрессивных идей начала социалистической эпохи проект омского аэровокзала (1932; ул. Авиационная, 143а)⁴ отражал новые архитектурные веяния. В целом сохранившееся до наших дней здание претерпело существенные изменения —

и в его настоящем облике с трудом просматриваются формообразующие принципы русского архитектурного авангарда. Но фотографии прошлых лет позволяют судить об инновационных тенденциях периода расцвета конструктивизма (рис. 2). Безусловно, обращает на себя внимание макет самолета, венчающий вертикальный объем здания, — символическая примета времени, принимающая характер прямого цитирования.

Наиболее интересным во взаимосвязи архитектурных объемов и изделий, традиционно относящихся к декоративно-прикладному искусству, а в условиях новых концептуальных воззрений — к продуктам технической эстетики, представляется общее пластическое решение главного фасада с галерейным балконом. Непрерывное ограждение в виде палубной решетки с широкими металлическими лентами, горизонтально протянутыми по всей длине балкона, является центральным элементом композиции. Соразмерность и пропорциональная соподчиненность всех архитектурных элементов здания отвечают функциональным и конструктивным требованиям, предъявляемым духом времени.

Характерный пример элементов архитектуры 1920-х годов — галерейные балконы-палубы получили в конструктивизме особенно большое распространение. Такой тип балкона имеет в архитектурно-пространственной композиции немаловажное значение, подчеркивая своей линейной протяженностью горизонтальное членение фасадов [5, с. 58]. В пластическое решение здания клуба общества «Динамо» (1932–1934; ул. Ленина, 2а / ул. Красина) также включен балкон подобного типа. Динамика горизонтального ритма архитектурной композиции фасада подчеркнута двумя линиями выносных балконов меньшей длины. Изначально балконные ограждения здания клуба представляли собой металлоконструкцию из горизонтально протянутых металлических лент. При всей кажущейся простоте и отрицании декоративности архитектурного металла, которому отводилась роль лишь функционально необходимых деталей, эстетической стороне придавалось большое значение. Металлические элементы фасадов здания

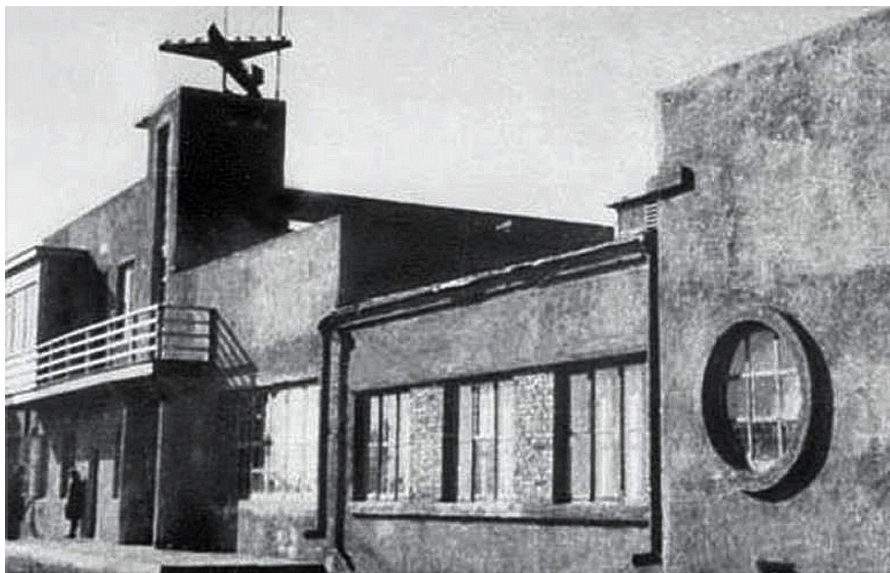
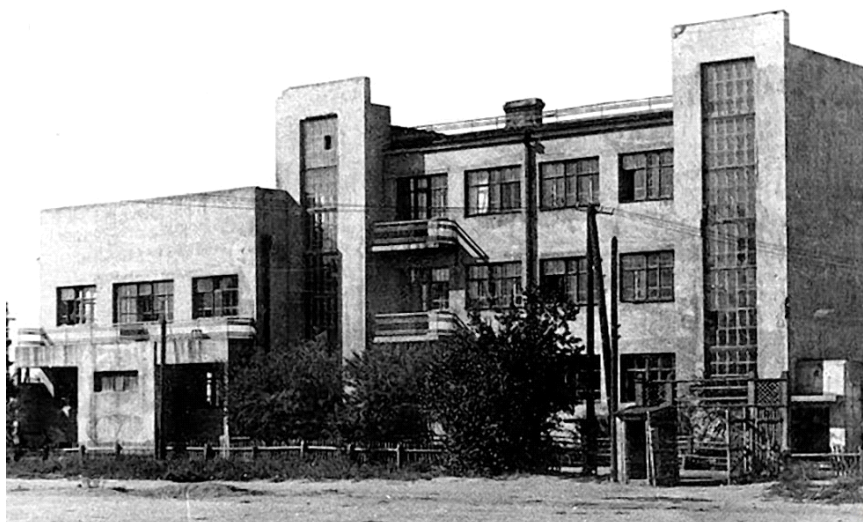

Рис. 2. Омский аэровокзал, 1932 г.⁸

а

б

Рис. 3. Здание клуба общества «Динамо», 1932–1934 гг.:
а — фото 1936 г.⁹; б — фото 2015 г.

клуба общества «Динамо» отличались тщательно выверенными пропорциями решеток, что видно на фотографии 1936 года: два пояса горизонтальных тяг из сдвоенных полос стандартного прокатного металла усиливают плотность линий в верхней и нижней частях балконных экранов в гармоничном соотношении с равномерным расположением вертикальных стоек (рис. 3а). Протяженную горизонталь поддерживала и парапетная решетка, выполненная в том же ритмическом строе, что и балконные экраны. В процессе реконструкций аутентичные ограждения были демонтированы и заменены на решетку с вертикальным ритмом металлических стержней, которая в стилизованном контексте выглядит вполне логичной, но опроцает эстетическое решение авторов проекта (рис. 3б).

Архитектура Омска в этот период развивалась синхронно с крупными городами Сибири и Урала, демонстрируя общие характерные черты стилового направления в творческих изделиях прикладного характера: это прежде всего технологичные и функциональные решения, рациональные объемы с четко выявленным каркасом и ясностью архитектурной формы.

Пропагандируя идеи «производственного искусства» и провозглашая эстетические идеалы простоты, демократичности и рациональности предметного мира [6], сторонники конструктивизма считали целесообразным участие в создании архитектурных объектов ремесленников. Последние являлись специалистами узкого профиля и невольно остались «заложниками» своего мастерства, утратившего популярность в эпоху супрематистских концепций. Как следствие стилизованных предпочтений времени, композиционные решения ограждающих металлических решеток лишились декоративной индивидуализации, подчинившись общей пластической идее архитектурного направления.

В конце 1920-х годов конструктивизм подвергается резким нападкам за «формотворчество», причем оппоненты в своей критике «все чаще стали прибегать к философско-идеологическим ярлыкам» [7]. В 1929 году была опубликована декларация ВОПРА⁵, в которой говорилось: «Архитектура СССР в условиях пролетарской революции и социалистического строительства все еще находится в русле буржуазного искусства: конструктивизм, формализм и особенно эклектизм являются доминирующими течениями в архитектуре в наши дни. Эти течения, тождественные таким же течениям капиталистического Запада, видоизменяясь и приспособляясь к нашим условиям под влиянием на них нашей действительности, остаются по своей сущности чуждыми ей» [8, с. 25–26].

В начале 1930-х годов вкусовые приоритеты представителей административно-командной системы повлияли на спад интереса к конструктивизму. Постановлением ЦК ВКП(б)⁶ в 1932 году были упразднены объединения свободных творческих группировок, в результате чего было принято решение о создании единого архитектурного общества — «Союза советских архитекторов». Союз, подконтрольный власти, призван был участвовать в социалистическом строительстве в соответствии с линией партии, определившей курс на «официальный стиль», актуализирующий классическое наследие.

Технический прогресс и авангард во всех своих проявлениях — главное устремление конструктивистов, их произведения предвосхитили эру высоких технологий, эстетику производства и сверкающих

стеклом и металлом мегаполисов. На новом витке революционного развития декоративно-прикладного искусства конструктивизм прежде всего был отражением социальных преобразований в обществе и посылом в будущее. Стремление конструктивистов к использованию высокотехнологичных материалов, по известным причинам не получившее должного развития в эпоху 20-х годов XX столетия, нашло свое отражение в последующие периоды.

Вторая половина XX века ознаменована появлением минимализма — стилового течения, которое характеризуется функциональной ясностью и лаконичностью форм, отвечающих, в свою очередь, чистоте геометрии. Конец XX — начало XXI века — время заявившего о себе хай-тека — стиля высоких технологий с его предельной функциональностью и приверженностью к современным материалам.

Подчеркнем, что и минимализм, и хай-тек восприняли наследие конструктивистов, приняв их идеологические, эстетические и формообразующие принципы проектирования. Строгий минимализм, максимум функциональности, целостность форм и легкость металла — критерии достоинства стиля, опирающиеся на принципы простоты и гармонии, — актуальны в архитектурном дизайне и сегодня.

Примечания

¹ Худпром — Художественно-промышленный институт, позднее Художественно-промышленный техникум им. М. А. Врубеля (1920–1930).

² Летопись аэропорта / Омский аэропорт. — Режим доступа: <http://www.aeroomsk.ru/main.php?id=44> (дата обращения: 11.11.2015).

³ Первыми зданиями аэропорта стали помещения бездействующей мельницы купца Емельянова.

⁴ Это здание аэровокзала использовалось по назначению до 1957 года.

⁵ ВОПРА — Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов, основано в 1929 году, в 1932-м — вошло в состав Союза советских архитекторов.

⁶ Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

⁷ Фото из фондов ОГИК музея.

⁸ Фото из фондов музея истории Омского аэропорта.

⁹ Фото М. В. Горохова. Из фондов ИАОО.

Библиографический список

1. Котович, Т. В. Энциклопедия русского авангарда / Т. В. Котович. — Минск : Экономпресс, 2003. — 416 с.
2. Гуменюк, А. Н. Стиль модерн в архитектуре Омска : моногр. / А. Н. Гуменюк. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2007. — 139 с.
3. Алгазина, Н. В. Монументально-декоративный металл в архитектуре омского модерна / Н. В. Алгазина // О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск : ИЦРОН, 2015. — Вып. II. — С. 6–11.
4. Стёпин, В. С. Конструктивные основания научной картины мира / В. С. Стёпин // Конструктивизм в теории познания ; отв. ред. В. А. Лекторский. — М. : ИФРАН, 2008. — С. 28.
5. Чернышева, З. С. Архитектура и конструкция балконов / З. С. Чернышева, М. С. Туполев, Ю. С. Рубинштейн ; под ред. А. В. Кузнецова. — М. : Изд-во Всесоюзной Академии Архитектуры, 1938. — 204 с.
6. Домрачева, Е. В. Поздний конструктивизм: архитектура здания гостиницы «Северный Урал» в городе Нижний Тагил /

Е. В. Домрачева, Н. В. Федяшева // Архитектон: известия вузов. — 2016. — № 53. — Режим доступа : http://archvuz.ru/2008_22/36 (дата обращения: 09.11.2015).

7. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения / С. О. Хан-Магомедов. — М. : Стройиздат, 1996. — 709 с.

8. Декларация Объединения пролетарских архитекторов // Строительство Москвы. — 1929. — № 8. — С. 25—26.

АЛГАЗИНА Наталья Владимировна, доцент кафедры дизайна, рисунка и живописи, член Союза дизайнеров России.

Адрес для переписки: nataanv@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.06.2016 г.

© Н. В. Алгазина

УДК 93/94(796.5)

**Г. П. ВОЛХОНСКАЯ
А. С. МУСАХМЕТОВА**

Сибирский государственный
университет физической культуры
и спорта, г. Омск

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ РОССИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются исторические условия, виды и формы организации экстремальных путешествий в России. Характеризуются исторические периоды их развития. Анализируется положение данного туристского сегмента в российской туристической индустрии начала XXI века.

Ключевые слова: история, исторический период, Россия, туризм, экстремальный туризм.

В последнее время все большую популярность приобретает экстремальный туризм. По некоторым оценкам, на долю этого сегмента приходится более 10 % туристского рынка в мире, а темпы роста экстремальных поездок превышают средние темпы роста туризма в целом [1, с. 574].

Возрастающий во всем мире интерес к экстремальным путешествиям обусловлен рядом причин. Как ни парадоксально звучит, но все более ускоряющийся темп жизни общества приводит к менее подвижному образу жизни его членов. Современному человеку не хватает физического движения и физических нагрузок. Избалованный техническим прогрессом и стабильным образом жизни, он испытывает потребность в адреналиновом всплеске. Существуют также и другие причины, побуждающие к участию в опасных путешествиях: жажда приключений, потребность в испытании своих возможностей, стремление к преодолению собственных страхов и комплексов, «бегство от действительности» и др.

Экстремальный туризм и в России, и в мире с каждым годом становится интереснее и многообразнее. Вместе с тем осмысление практических и теоретических вопросов современного экстремального туризма отстает от темпов его развития. Отсутствуют исследования, рассматривающие процесс становления и развития данного направления туристской деятельности. Необходимо отметить, что и сам термин «экстремальный туризм» до настоящего времени не имеет четкого определения.

Цель нашего исследования — рассмотрение конкретно-исторических условий формирования экстремального туризма в России.

Задачи исследования:

1. Раскрыть понятие «экстремальный туризм».
2. Проанализировать основные периоды развития экстремального туризма в России.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что существует несколько подходов к определению понятия «экстремальный туризм». На Западе чаще всего используется термин «приключенческий туризм» (adventure tourism), который варьируется от «мягкого» (сноркелинг — ныряние без использования акваланга) до «тяжелого» (покорение Эвереста). «Тяжелый приключенческий туризм» (hard adventure tourism) требует хорошей физической формы и специфических навыков; кроме того, присутствует определенная степень риска (экстремальный туризм) [2, с. 11].

В российских исследованиях при рассмотрении понятия «экстремальный туризм» определились два основных подхода:

1. Экстремальные путешествия — разновидность одного из видов туризма (приключенческий, спортивный, экологический).

2. Экстремальные путешествия — самостоятельный вид туризма. Так, А. В. Бабкин рассматривает экстрим-туры как разновидность приключенческого туризма, связанную с активными способами передвижения и отдыха на природе, имеющую целью получение новых ощущений, впечатлений, улучшение туристом физической формы и достижение спортивных результатов [3, с. 152]. А. С. Кусков и Ю. А. Джаладян называют экстремальный туризм крайней формой приключенческого, который организуется туристами самостоятельно и сопряжен с серьезным риском для их здоровья и жизни [4, с. 36]. В. В. Храбовченко считает, что понятия «экстремальный туризм» и «приключенческий туризм» — синонимы, так как их характерными чертами являются приключение и риск [5, с. 23].

Т. К. Сергеева не выделяет как таковой экстремальный туризм, но некоторые его виды относит к экологическому туризму (дайвинг, трекинг, путешествия на велосипеде, байдарочные туры, каякинг,

рафтинг и др.) [6, с. 58–62]. В. А. Квартальнов также не выделяет экстремальный туризм как самостоятельный вид туристского сегмента, причисляя его к спортивному туризму (спелеотуризм, велосипедный, водный, горный) [7, с. 98].

По мнению А. Б. Косолапова, экстремальные путешествия — это самостоятельный «вид туризма, сопряженный со значительной степенью риска для туристов: альпинизм, дайвинг, полеты на парашютах, прыжки с парашютом и др. виды спорта, требующие необходимых навыков и опыта» [8, с. 267]. Причисляют экстремальный туризм к самостоятельному виду и ряд других российских исследователей. Так, Ю. А. Матюхина отмечает отличительные черты этого вида туризма, среди которых возможность опасных ситуаций, тесная связь с приключенческим и спортивным туризмом, необходимость определенной физической подготовки и др. [9, с. 221]. А. Н. Рубаник и Д. С. Ушаков называют главной отличительной чертой экстремальных туров риск для жизни и здоровья путешественников [10, с. 207].

На наш взгляд, данный подход ближе к истине, так как главная цель экстремального туризма — получить острые ощущения, почувствовать опасность. Экстремал — это человек, действия которого необычны по трудности, сложности, который делает для себя нормой то, что другие считают крайностью.

Очевидно сходство экстремального туризма с приключенческим и спортивным, но основное и существенное их отличие состоит в целях и формах реализации. Экстремальный туризм, так же как и спортивный, связан с серьезными физическими нагрузками, но не является видом соревновательной деятельности и не направлен на выполнение спортивных нормативов и получение разрядов и званий. Экстремальный туризм, как и приключенческий, насыщен происшествиями и неожиданностями; но туристов увлекает не собственно приключение, а то, что человек получает в результате путешествия: балансирование на грани невозможного, удовлетворение потребности в необычных, острых ощущениях, проверка своих сил и способностей.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к выводу: экстремальный туризм — это самостоятельный вид туризма, выходящий за рамки обычного; опасный вид активного отдыха, связанный с большими физическими нагрузками и риском для жизни.

К числу важных теоретико-методологических вопросов относится разработка проблемы периодизации истории экстремального туризма. На наш взгляд, критериями для выделения периода являются основные виды экстремальных путешествий и формы их организации, которые были характерны для определенных исторических эпох. Анализ научной литературы, документов позволил нам выделить следующие периоды становления в России экстремального туризма.

I период — дореволюционный (1878–1917)

Генезис российского экстремального туризма тесно связан с историей развития горного туризма, который стал заметным явлением с началом работы в Российской империи горных клубов. Первый горный клуб был создан в 1878 г. при Кавказском отделении Русского географического общества в городе Тифлисе (современный Тбилиси) и получил название «Общество любителей естествознания и альпийского кавказского клуба» [11, с. 26]. Общество деятельно принялось за популяризацию путешествий в горах и восхождений на вершины, но в 1884 г. из-за

малочисленности членов (40 чел.), малодоступности и опасности Кавказских гор прекратило свою деятельность. Тем не менее история самодеятельных клубов в развитии российского туризма началась именно с этого объединения.

Значительный вклад в становление российского горного туризма, альпинизма внесли Крымско-Кавказский горный клуб (1890 г., Одесса), Русское горное общество (1901 г., Москва), Кавказское горное общество (1902 г., Пятигорск) и Владикавказский горный клуб (1909 г., Владикавказ). Ими были организованы экскурсии по достопримечательным местам Крыма и Кавказа, проложены горные тропы, построены приюты [11, с. 48, 50], подготовлены проводники [12, с. 45], открыта первая всероссийская выставка альпинизма [13, с. 85–86]. Только за три года существования Владикавказского горного клуба 2500 туристов прошли горными маршрутами, совершили восхождения на Казбек и Эльбрус, посетили Девдоракский ледник [14, с. 126].

Таким образом, главным направлением развития путешествий с элементами экстрима в дореволюционный период стал горный туризм, а основной формой их организации — добровольно-общественные объединения (клубы, общества).

II период — довоенный (1917–1941)

В СССР туризм стал рассматриваться правящей ВКП(б) как важнейшее средство идейно-политического воспитания и физического развития трудящихся, приобщения их к активным формам досуга. Уже в первые годы советской власти, кроме непродолжительных по времени массовых оздоровительных туристских походов, начинают практиковаться достаточно сложные многодневные походы, воспитывающие чувство патриотизма и физическую выносливость их участников. До середины 1930-х гг. главным направлением развития экстремальных путешествий оставался горный туризм.

С 1929 г. значительную работу по развитию горного туризма проводила Центральная горная секция Общества пролетарского туризма РСФСР (с 1930 г. — Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий). В число первоочередных задач были поставлены: подготовка кадров инструкторов, популяризация альпинизма, создание горных секций, организация горных восхождений.

В 1933 г. по инициативе председателя Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий Н. В. Крыленко был организован высокогорный поход, получивший название альпиниады (горные походы с большим количеством участников) и ставший общепризнанной формой приобщения молодежи к занятиям горным туризмом. Годом массовых альпиниад стал 1935 год. В этот сезон на Эльбрус поднялось более 2 000 человек, на Казбек — более 1 500, а всего в горах побывало около 20 000 человек [13, с. 143].

В 1930-х гг. усиливается спортивная направленность советского туризма, что было обусловлено напряженной международной обстановкой и подготовкой к грядущей войне. Появляются водный, лыжный, велосипедный, автотуризм. Организуются сложные походы экстремального характера: велопробег по маршруту Хабаровск — Москва (1934), лыжный поход по маршруту Нижнеангарск — Туруханск — Обдорск — Архангельск — Мурманск (1934) и др. С 1935 по 1939 г. советские физкультурники совершили 10 дальних походов на расстояние до 9 000 км [15, с. 7].

После ликвидации Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1936 г.) в развитии советского туризма выделились два самостоятельных направления: туристско-экскурсионное, руководство которым осуществляли советские профсоюзы — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), и самостоятельное, спортивное, которым руководил Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров СССР. При добровольных спортивных обществах (ДСО) и коллективах физкультуры создаются секции туризма. С 1 января 1940 года туризм был включен в комплекс «Готов к труду и обороне СССР».

Таким образом, с 1917 по 1941 г. главным направлением, в рамках которого продолжается процесс формирования экстремального туризма в СССР, остается горный туризм. Вместе с тем появляются новые виды, характеризовавшиеся спортивной направленностью и связанные с риском для жизни и большими физическими нагрузками. До 1936 г. организацией туризма занималось Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий. После его роспуска утверждается система профсоюзно-государственного управления.

III период — послевоенный (1945–1991)

В послевоенный период совершенствовалась система управления туризмом, в том числе самостоятельным, спортивным, в рамках которого происходило дальнейшее становление экстремального туризма.

Увлечение туристов сложными походами, организуемыми в экстремальных условиях, потребовало упорядочения системы подготовки к ним на основе единых программно-нормативных требований. Для этого в 1949 г. туризм был впервые введен в Единую всесоюзную спортивную классификацию (ЕВСК) и признан видом спорта, руководство которым осуществлялось Союзом спортивных обществ и организаций СССР и ВЦСПС.

Значительные изменения в развитии туризма связаны с реорганизацией в 1962 г. системы управления. На всех властных уровнях создавались советы по туризму, работающие на принципах коллегиальности и широкого привлечения общественного актива. Открывались туристские клубы, которые наряду со спортивными обществами должны были приобщать к активному отдыху, занятиям физической культурой и спортом. На рубеже 1980-90-х гг. в стране действовало более 800 туристских клубов, в работе которых принимало участие около 700 000 туристов. В 1989 г. была создана общественная туристская организация — Туристско-спортивный союз СССР [16, с. 210].

Разнообразные виды активного туризма занимали до 80 % советского национального туризма. В 80-е годы XX века ежегодно в зарегистрированных спортивных походах I–VI категорий сложности участвовали 200 тысяч туристов. Регулярно занималось спортивным туризмом 400–500 тысяч человек [2, с. 13].

В рассматриваемый период туризм, связанный с определенными элементами риска, начинает развиваться и в рамках плановой туристской деятельности. Так, в 1985 г. среди всесоюзных плановых маршрутов 55 относились к маршрутам с активными способами передвижения: лыжные, водные (на байдарках, надувных плотах и т.п.), велосипедные, конные, горные («По горному Крыму», «По реке Белой на плотах», «По Телецкому озеру и алтайской тайге»,

«По Гиссарскому хребту» и др.). Большое число сложных путешествий было и среди местных плановых маршрутов: на Украине создан первый в СССР спелеомаршрут «По пещерам и рекам Тернопольщины»; в Башкирии — маршруты на байдарках и катамаранах по рекам Белой и Юрюзань, на снегах «Буран» и др. [17, с. 299].

Формирование экстремального туризма во многом было обусловлено развитием экстремальных видов спорта, которые становятся популярными в СССР в 1950–80-х гг. и были внесены в ЕВСК: водно-моторный, мотоциклетный, парашютный, подводный спорт; горный слалом, скалолазание, спелеотуризм.

Таким образом, с 1945 по 1991 г. экстремальный туризм развивался в рамках не только самостоятельного, спортивного, но и планового туризма. Руководство осуществлялось как профсоюзно-государственными структурами, так и общественными организациями. В отличие от предшествующих периодов увеличивается количество видов туризма, связанных с риском: водно-моторный, мотоциклетный, подводный, парашютный и др.

IV период — постсоветский (1992–2015)

В середине 1990-х гг. завершается процесс формирования экстремального туризма как самостоятельного вида. Во многом это было обусловлено бурным развитием в постсоветский период экстремальных видов спорта: ВМХ, скейтбординг, сноубординг, парашютизм, скалолазание и др. В условиях развала советской системы физического и духовного воспитания, снижения физических нагрузок интерес молодежи к экстремальным видам спорта увеличился с каждым годом. На сегодняшний день экстремальный спорт входит в двадатку самых популярных и массовых видов спорта в мире.

В новых социально-экономических и политических условиях, которые сложились после развала СССР, в стране начинается процесс формирования коммерческого туризма. Появляются туристические фирмы, включающие в сферу своей деятельности экстремальный туризм. В настоящее время в России организацией экстрим-туров занимаются более 50 туроператоров [6, с. 580], самыми популярными из которых являются Astravel (победитель премии «Золотой меридиан – 2008», Москва), «Русский экстрим» (Москва), «Точка экстрима» (Горно-Алтайск), «Алтай-тур» (Горно-Алтайск) и др. [18].

В целом специализирующихся на экстриме туроператоров в России немного. Для большинства из них экстремальный туризм лишь одно из направлений деятельности. Это связано с тем, что экстрим-туры — дорогостоящий вид отдыха, одной из особенностей которого является высокая стоимость снаряжения и спецодежды. Экстремальные путешествия требуют детальной подготовки, и прежде всего это относится к системе безопасности.

В настоящее время российский экстремальный туризм включает разные виды отдыха, связанные с риском: водный туризм (дайвинг, рафтинг, виндсерфинг, водные лыжи, вейкбординг и каякинг); горный туризм (горные лыжи, сноубординг, альпинизм); воздушный туризм (прыжки с парашютом, парапланеризм, дельтапланеризм, X-jumping); наземный туризм (маунтинбайкинг, спелеология, спелестология, авто- и мототуризм и др.); экзотический туризм (кайтсерфинг, джайлоо-туризм, туризм в экстремальных местах планеты). Одними из самых популярных видов экстремального туризма в России

являются горнолыжный туризм, альпинизм, дайвинг, скалолазание, рафтинг, сноубординг, спелеотуризм. По данным Ростуризма, количество туристов, увлекающихся активными видами отдыха, оценивается в 2,5 млн человек [19].

На современном этапе важную роль в популяризации и организации экстремального туризма играют клубы, которые действуют в 52 городах России и объединяют любителей экстрима: «Славянский спас» (г. Курск), Симбирский клуб экстремального туризма (г. Ульяновск), «Пилигрим» (г. Саратов), «Альтаир» (г. Тверь), «Клуб приключений» (Санкт-Петербург) и др. [20].

Важное значение в организации, рекламе экстремального туризма имеет использование новейших технологий. Сегодня информационное обслуживание экстремальных туристов обеспечивают интернет-порталы Adrenalinetour.ru, RussiaDiscovery, Extreval.ru — агрегаторы программ активного отдыха по России, Gfhome.ru — предложение экстремальных туров по всему миру и др.

Вместе с тем необходимо отметить, что отечественный рынок экстремального туризма (по сравнению с западными странами) — это довольно узкая область туристских услуг, которая недостаточно развита и слабо изучена. По некоторым оценкам, на долю экстрим-туризма приходится всего 1 % туристского рынка России [1, с. 580].

На наш взгляд, основными проблемами, которые сдерживают развитие экстремального туризма в России на современном этапе, являются следующие: слаборазвитая туристская инфраструктура; высокая стоимость отечественного туристского продукта, в первую очередь транспортного обслуживания; природные ресурсы России — перспективные регионы для экстремального туризма (Камчатка, Сахалин, Алтай, Урал, Кавказ, Краснодарский край, Крым и др.) используются только на 7–15 %; необходимость более детальной проработки вопросов безопасности, так как отсутствует достаточное количество опытных гидов-проводников, качественного снаряжения, средств связи и др.; низкая осведомленность россиян о туристских возможностях регионов Российской Федерации, разрозненность информационных ресурсов в сфере экстремального туризма и отсутствие единой системы информационной поддержки; недостаточное количество специальной, научно-исследовательской литературы по экстремальному туризму.

Таким образом, процесс формирования экстремального туризма как самостоятельного вида завершается в постсоветский период (1992–2015). Утверждаются коммерческие формы туристской деятельности. Вместе с тем значительный вклад в развитие экстремальных путешествий продолжают вносить и самодеятельные туристические организации (клубы).

В результате исследования процесса формирования в России экстремального туризма нами были сделаны следующие выводы:

1. Экстремальный туризм — самостоятельный вид активного отдыха, связанный с риском для жизни и большими физическими нагрузками.
2. Процесс становления экстремального туризма России начинается во второй половине XIX в. и связан с деятельностью альпийских клубов.
3. Становление экстремального туризма происходило под влиянием горного, спортивного туризма и экстремальных видов спорта.

4. Завершается процесс формирования экстремального туризма как самостоятельного вида в середине 1990-х годов.

Библиографический список

1. География туризма / Под ред. А. Ю. Александровой. — М. : КНОРУС, 2008. — 592 с.
2. Батоцыренов, Э. А. География активного туризма в Республике Бурятия / Э. А. Батоцыренов. — Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2012. — 176 с.
3. Бабкин, А. В. Специальные виды туризма / А. В. Бабкин. — Ростов н/Д : Феникс, 2008. — 252 с.
4. Кусков, А. С. Основы туризма : учеб. / А. С. Кусков, Ю. А. Джаладян. — М. : КНОРУС, 2008. — 400 с.
5. Храбовченко, В. В. Экологический туризм / В. В. Храбовченко. — М. : Финансы и статистика, 2004. — 208 с.
6. Сергеева, Т. К. Экологический туризм : учеб. / Т. К. Сергеева. — М. : Финансы и статистика, 2004. — 360 с.
7. Квартальнов, В. А. Теория и практика туризма : учеб. / В. А. Квартальнов. — М. : Финансы и статистика, 2003. — 672 с.
8. Косолапов, А. Б. География российского внутреннего туризма / А. Б. Косолапов. — М. : КНОРУС, 2008. — 272 с.
9. Матюхина, Ю. А. Организация туристской индустрии / Ю. А. Матюхина. — М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2011. — 304 с.
10. Рубаник, А. Н. Технологии въездного туризма / А. Н. Рубаник, Д. С. Ушаков. — 2-е изд., испр. — Ростов н/Д : Издат. центр «МарТ», 2010. — 384 с.
11. Долженко, Г. П. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. — современность / Г. П. Долженко, Ю. С. Путрик. — Ростов н/Д : Издат. центр «МарТ» ; Феникс, 2010. — 304 с.
12. Усыскин, Г. С. Очерки истории российского туризма / Г. С. Усыскин. — СПб. : Издат. дом Герда, 2007. — 208 с.
13. История российского туризма / Под ред. Т. И. Власовой. — СПб. : Д.А.Р.К., 2009. — 432 с.
14. Шахбазов, Ю. В. Кавказское горное общество г. Пятигорска и его роль для развития туризма на Северном Кавказе / Ю. В. Шахбазов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2010. — № 5. — С. 123–127.
15. Ганопольский, В. И. Туризм и спортивное ориентирование / В. И. Ганопольский, Е. Я. Безносиков, В. Г. Булатов. — М. : Физкультура и спорт, 1987. — 240 с.
16. Воронкова, Л. П. История туризма и гостеприимства : учеб. пособие / Л. П. Воронкова. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. — 304 с.
17. Соколова, М. В. История туризма : учеб. пособие для студ. учреждений высшего профессионального образования / М. В. Соколова. — 7-е изд., испр. — М. : Издат. центр «Академия», 2012. — 352 с.
18. Лучшее российское турагентство экстремального туризма. — Режим доступа : http://www.fashiontravel.ru/helpinfo/best/extreme_agency (дата обращения: 14.06.2015).
19. Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы) : федер. целевая программа. — Режим доступа : <http://russiaturforum.com/index/> (дата обращения: 14.06.2015).
20. Объединение клубов экстремального и дикого туризма. — Режим доступа : <http://eego.ru> (дата обращения: 14.06.2015).

ВОЛХОНСКАЯ Галина Петровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии и истории.

Адрес для переписки: gozman_56@mail.ru
МУСАХМЕТОВА Альбина Сахатовна, студентка гр. Т13Т факультета туризма, рекреации и реабилитации.

Адрес для переписки: musakhemova95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2015 г.

© Г. П. Волхонская, А. С. Мусахметова

РАЗВИТИЕ СЕТИ И ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ РАБОЧЕЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1958 гг.) ЧАСТЬ 2

В статье анализируется возникновение и развитие школ рабочей и сельской молодежи с 1946 по 1958 год, являвшихся в этот период основной формой получения общего образования без отрыва от производства. Основное внимание уделяется развитию сети и изменению состава учащихся. Раскрываются объективные и субъективные причины, повлиявшие на выполнение плана набора.

Ключевые слова: Западная Сибирь, послевоенные годы, образование без отрыва от производства, школы рабочей молодежи, школы сельской молодежи, набор, общеобразовательный уровень.

Часть 1 опубликована в журнале «Омский научный вестник». — 2015. — № 5 (142). — С. 16—20.

На рост численности учащихся ШСМ в годы четвертой пятилетки отрицательно влияло и то, что в этот период отделам народного образования не удалось стабилизировать сеть ШСМ. Основной причиной нестабильности сети ШСМ было закрытие их значительного количества в течение учебного года в связи с малым количеством учащихся в классе. Данные табл. 1 [1, л. 56, 304; 2, л. 17, 28; 3, л. 10, 291; 4, л. 16; 5, л. 45, 46; 6, л. 54; 7, л. 100, 105; 8, л. 57; 9, л. 289—291; 10, л. 99; 11, л. 2; 12, л. 1; 13, л. 38; 14, л. 58; 15, л. 41; 16, л. 2; 17, л. 7; 18, л. 2; 19, л. 6; 20, л. 54; 21, л. 58; 22, л. 26, 63] показывают, что даже небольшой отсев мог привести к закрытию классов и школ.

Одна из важнейших причин малого количества учащихся в классе состояла в формальном планировании областными отделами народного образования численности учащихся по районам без учета условий размещения школ и данных о состоянии грамотности сельской молодежи. Определенную роль играло также то обстоятельство, что райисполкомы на местах часто самоустраивались от руководства органами народного образования, а последние не проявляли особой активности для создания нормальных условий работы ШСМ. Отрицательно влияло на проведение набора и то, что учителям ШСМ оплачивали лишь неделю до начала и неделю после окончания учебного года. За это время было очень сложно провести качественный набор учащихся.

Однако наряду с субъективными причинами, тормозившими развитие обучения без отрыва от производства на селе, были и объективные. Так, в годы четвертой пятилетки уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства не требовал от многих работников высокой общеобразовательной подготовки. Кроме этого, тяжелое

материальное положение сельских жителей создавало дополнительные трудности в привлечении их к обучению без отрыва от производства.

В отличие от ШСМ в ШРМ численность учащихся возросла по РСФСР за пятилетие на 50 %, а по Западной Сибири — на 65 %. Более высокие темпы роста численности учащихся ШРМ Западной Сибири можно объяснить более низким общеобразовательным уровнем ее городского населения.

Увеличению численности учащихся в ШРМ во многом способствовала и стабилизация сети этих школ. В годы четвертой пятилетки, как свидетельствуют данные табл. 2 [1, л. 56, 304; 2, л. 17, 28; 3, л. 10, 291; 4, л. 16; 5, л. 45, 46; 6, л. 54; 7, л. 100, 105; 8, л. 57; 9, л. 289—291; 10, л. 99; 11, л. 2; 12, л. 1; 13, л. 38; 14, л. 58; 15, л. 41; 16, л. 2; 17, л. 7; 18, л. 2; 19, л. 6; 20, л. 54; 21, л. 58; 22, л. 26, 63], количество ШРМ, закрывавшихся и открывавшихся в течение учебного года, было незначительным. Данное обстоятельство было связано с большим числом учащихся в классе. Причем в ряде школ их количество в классе было значительно выше нормы и достигало 40—50 человек, что затрудняло усвоение учебного материала и вело к отсеvu значительной части учащихся. Причина этого заключалась в острой нехватке помещений, не позволявшей разделить классы. Большая численность учащихся в классах, с одной стороны, способствовала стабильности сети ШРМ, а с другой, увеличивала отсев и предопределяла более низкую, чем в ШСМ, успеваемость.

Новый этап в развитии ШРМ и ШСМ совпал с окончанием восстановительного периода. В 50-е гг., наряду с ростом численности учащихся вечерних школ, происходили глубокие изменения в составе учащихся. Эти изменения были связаны, во-первых,

Наполняемость классов ШРМ и ШСМ Западной Сибири
(по школам Министерства просвещения, на начало учебного года)

Учебный год	ШРМ				ШСМ			
	средняя наполняемость классов	в том числе по группам классов			средняя наполняемость классов	в том числе по группам классов		
		1—4	5—7	8—10		1—4	5—7	8—10
1946/47	23,1	16,6	25,4	20,6	10,8	9,7	12,6	8,7
1947/48	20,1	11,7	22,7	20,2	9,2	7,7	13,2	11,0
1948/49	19,8	14,7	21,8	20,0	10,1	8,7	14,9	6,0
1950/51	19,8	13,2	21,5	19,8	9,9	9,2	15,3	13,0
1951/52	20,7	14,2	22,4	21,4	10,6	8,4	17,1	—
1952/53	22,0	15,4	23,1	22,8	10,6	7,2	17,7	17,5
1953/54	22,7	15,7	23,8	23,3	10,4	6,5	16,4	—
1955/56	21,6	15,0	21,8	22,4	14,5	6,3	17,7	22,4
1956/57	21,6	15,9	21,5	22,2	13,9	5,6	15,6	17,5
1957/58	21,5	12,5	20,5	22,9	15,1	7,3	14,2	18,7
1958/59	19,6	11,7	18,6	20,9	12,8	5,7	12,9	14,0

Таблица 2

Изменение сети и контингента учащихся ШСМ Западной Сибири (на начало учебного года)

Учебный год	Всего школ	Из них			Всего остальных классов	Итого школ и классов	В них учащихся
		начальных	семилетних	средних			
1946/47	679	—	—	—	158	837	29 704
1947/48	587	—	—	—	76	663	23 195
1948/49	621	—	—	—	172	793	23 196
1949/50	644	—	—	—	95	739	24 006
1950/51	667	—	—	—	53	720	22 822
1951/52	673	352	321	—	101	774	25 133
1952/53	627	262	365	—	31	658	24 039
1953/54	606	193	410	3	61	667	23 300
1954/55	523	152	370	—	47	570	21 848
1955/56	542	78	333	131	50	592	24 508
1956/57	355	24	169	162	107	462	19 034
1957/58	234	10	87	137	127	361	15 186
1958/59	155	5	38	112	75	230	10 625

с повышением общеобразовательного уровня населения в годы четвертой пятилетки, когда подавляющее большинство молодежи получило начальное образование, а во-вторых, с необходимостью получения семилетнего и среднего образования, которое в условиях начавшегося научно-технического прогресса обеспечивало овладение сложными рабочими профессиями. В первые годы пятой пятилетки изменения в составе учащихся были незначительными. Это объясняется тем, что семилетний всеобщий, начавшийся в середине 30-х гг., прерванный войной и восстановленный с 1948/49 учебного года, призванный дать семилетнее образование всем детям школьного возраста, еще не был осуществлен. Эти трудности были связаны как с нехваткой средств, так и с тяже-

лым материальным положением учащихся. Особенно много учащихся отсеивалось из сельских дневных общеобразовательных школ, поскольку в конце 40-х — начале 50-х гг. усилился приток сельской молодежи на промышленные предприятия Западной Сибири. На крупнейших сибирских предприятиях многие молодые рабочие и в начале 50-х гг. не имели законченного семилетнего образования. Так, например, на одном из крупнейших заводов г. Омска Сибзаводе в 1951 г. более 40 % работавшей здесь молодежи имели только начальное образование [23, с. 203].

В связи с ростом требований к общеобразовательной подготовке населения местные органы власти Западной Сибири усилили работу по вовлечению рабочей и сельской молодежи в вечерние общеобразова-

вательные школы. Один из первых в стране перспективный комплексный план учебы молодых рабочих был разработан на Кузнецком металлургическом комбинате (КМК). Вскоре на прошедших в цехах собраниях было подано 900 заявлений в ШРМ, что составляло около 10 % набора по Кемеровской области [24, 25].

Вопросами комплектования вечерних школ активно занималось и руководство других крупнейших предприятий Западной Сибири. Характерной в этом отношении является деятельность администрации завода «Сибсельмаш», где путем опроса определили, что 1 716 рабочих не имеют семилетнего образования, а 1 809 — начального. На заводе была создана квалификационная комиссия под председательством главного технолога Ф. А. Метлина. При содействии районной администрации эта комиссия добилась открытия средней вечерней ШРМ при заводе. В 1952/53 учебном году в ней занималось 700 человек [26, с. 102, 103].

В комплектовании вечерних школ принимали участие и профсоюзные организации Западной Сибири. Вопрос об участии профсоюзов в работе по повышению общеобразовательной подготовки трудящихся обсуждался на пленумах краевых советов профсоюзов областей Западной Сибири. В октябре 1952 г. в Алтайском крае на краевом совете профсоюзов, проходившем с участием директоров ШРМ, заместителей директоров по кадрам промышленных предприятий и председателей ФЗК, была определена конкретная помощь со стороны профсоюзных организаций промышленных предприятий края ШРМ, с тем чтобы стабилизировать сеть, увеличить контингент учащихся и создать нормальные условия для работы учащихся ШРМ [27, л. 1].

В октябре 1952 г. состоялся XIX съезд КПСС, в материалах которого предусматривалось осуществить к концу пятилетки переход от всеобщего семилетнего образования к всеобщему среднему в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах. Таким образом, перед народным образованием была вновь поставлена задача, которая в свое время была выдвинута на XVIII съезде партии, но к выполнению которой фактически не успели приступить. Наряду с этим предусматривалось «...обеспечить дальнейшее развитие... общеобразовательных школ для обучения трудящихся граждан без отрыва от производства» [6]. Основываясь на решениях съезда, состоявшийся в мае 1953 г. пленум ЦК ВЛКСМ обязал комсомольские организации оказывать всемерную помощь органам народного образования в привлечении молодежи в вечерние школы и предложил считать учебу в этих школах важным комсомольским поручением [28].

Комплексные планы учебы молодых рабочих, подобные одобренному на КМК, вскоре были приняты на ряде крупнейших предприятий Западной Сибири. Так, например, на Азотнотуковом заводе в Кемеровской области был принят план общеобразовательной учебы на ближайший 3 года. Он предусматривал получение среднего и неполного среднего образования всеми рабочими завода в возрасте до 30 лет [29, с. 177; 30, с. 100; 31, 32].

Принятие комплексных планов повышения общеобразовательной и специальной подготовки молодежи позволило создать для ряда школ стабильный контингент на перспективу. Однако перспективные планы в этот период принимались в основном лишь на крупнейших предприятиях металлургической

и обрабатывающей промышленности и практически отсутствовали на предприятиях добывающей промышленности, в строительной индустрии, на мелких предприятиях. Нет ни одного примера принятия их в сельской местности.

Особо важную роль для дальнейшего развития обучения без отрыва от производства сыграло решение правительства об организации в сельской местности средних ШСМ. О целесообразности и необходимости открытия средних ШСМ свидетельствовали постоянные попытки их стихийного создания буквально с момента организации ШСМ. На протяжении четвертой и пятой пятилеток в областях Западной Сибири ежегодно создавались средние ШСМ. Это отражала статистическая отчетность и годовые отчеты областных отделов народного образования. Министерство просвещения после получения отчета требовало закрытия средних ШСМ, однако на следующий год они открывались в других населенных пунктах.

Отказы открыть средние ШСМ — яркое проявление бюрократического подхода. В большинстве случаев они мотивировались тем, что, согласно положению о ШСМ, в сельских населенных пунктах предусматривалось открытие только начальных и семилетних ШСМ. Иногда встречалась и такая формулировка, как недостаток средств. Однако это было не так, поскольку средства, выделенные на ШСМ, если взять в целом область или край, полностью использовались очень редко в связи с хроническим невыполнением планов набора. Инициаторам создания средних ШСМ давали понять: не проявляйте инициативу там, где это не запланировано; наверху лучше видно, когда, где и какие школы создавать. Лишь с началом освоения целинных и залежных земель, когда приехавшие сюда юноши и девушки стали обращаться во все инстанции с вопросом: «Почему мы не имеем возможности продолжить свое образование?», эта проблема стала решаться. Совет Министров РСФСР в постановлении от 2 апреля 1955 г. разрешил организовать в районах освоения целинных и залежных земель с 1955/56 учебного года средние ШСМ и отдельные 8—10-е классы ШСМ при общеобразовательных школах [33, с. 36—39].

Огромное значение для последующего развития нашего общества имел состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС. Решения, принятые съездом, ускорили процесс демократизации общественной жизни и восстановления социалистической законности, начавшийся после смерти И. В. Сталина. На съезде первостепенное внимание было уделено механизации и автоматизации производственных процессов и росту производительности труда. Осуществление этих планов требовало дальнейшего повышения общеобразовательного уровня тружеников города и села. Для решения этой задачи предусматривалось «осуществить в основном всеобщее среднее образование в городах и сельской местности путем обучения детей и молодежи в средних общеобразовательных школах/десятилетках/и средних специальных учебных заведениях. В целях повышения общего культурного уровня населения... продолжать дальнейшее развитие в шестой пятилетке сети заочных и вечерних общеобразовательных школ для обучения в них трудящихся без отрыва от производства» [34, с. 72].

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР принял Постановление «Об улучшении общеобразовательной подготовки молодежи в сельской местности без отрыва от производства», предусматривавшее

Таблица 3

**Численность учащихся в ШСМ
и заочных общеобразовательных школах взрослых
в Западной Сибири и РСФСР, тыс. чел.
(на начало учебного года)**

Учебный год	Западная Сибирь	РСФСР
1950/1951	58,1	787,7
1956/1957	94,4	1 156,5
1958/1959	84,4	1 144,5

повсеместное открытие средних ШСМ и отдельных 8–10-х классов при общеобразовательных школах [35, с. 396]. Основываясь на этих документах, руководство на местах требовало от органов народного образования усилить заботу о ШСМ и ШРМ. В Омской области в феврале 1957 г. на село были направлены работники органов народного образования. Усиление внимания к работе школ сельской молодежи способствовало их более стабильной работе [36, с. 187].

Огромное значение для полного охвата молодежи учебной имела в этот период разработка на предприятиях перспективных планов общеобразовательной учебы. Принятие перспективных планов способствовало созданию стабильного контингента для ШРМ и сводило к минимуму привлечение учащихся на сверхурочные работы в дни занятий. На предприятиях, принявших перспективные планы, значительно улучшились условия для занятий в молодежных общежитиях.

Результаты работы органов народного образования Западной Сибири по расширению общеобразовательной подготовки рабочего класса и крестьянства в 50-е гг. отражает табл. 3 [37, с. 449–451]. Таблица показывает значительный рост численности обучающихся без отрыва от производства. Только на протяжении восьми лет она выросла почти в 1,5 раза в Западной Сибири и по Российской Федерации в целом. До 1956/57 учебного года численность обучающихся без отрыва от производства росла в Западной Сибири быстрее, чем в РСФСР, однако на протяжении двух последующих лет число учащихся вечерних и заочных школ уменьшилось в Западной Сибири на 10,6 % против 1 % в РСФСР. Основу этого процесса составило более резкое, чем в РСФСР, уменьшение числа учащихся в ШСМ Западной Сибири, происходившее из-за их закрытия. Данные табл. 2 свидетельствуют, что количество ШСМ в Западной Сибири уменьшилось с 1955/56 учебного года по 1958/59 учебный год более чем в 3 раза, при этом количество средних ШСМ уменьшилось незначительно, семилетних же — более чем в 8 раз, а начальные ШСМ почти прекратили свое существование. В РСФСР за этот период количество ШСМ уменьшилось в 1,6 раза.

Более быстрое, чем по РСФСР, уменьшение числа ШСМ в Западной Сибири было связано прежде всего с особенностью расселения сельского населения в этом регионе. Значительная часть сельского населения проживала в мелких населенных пунктах. Ввиду большого расстояния между населенными пунктами одна ШСМ не могла обслуживать учащихся нескольких населенных пунктов.

Проблема обучения детей в общеобразовательных школах решалась в этих обстоятельствах путем организации при школах интернатов. ШСМ решить данную проблему таким образом было нельзя, поскольку ее учащиеся обучались без отрыва от произ-

водства. Это и привело к закрытию большинства начальных и семилетних школ в мелких и средних населенных пунктах по мере уменьшения в них молодежи, не имевшей законченного начального или семилетнего образования. Сокращение части семилетних ШСМ произошло в связи с организацией на их основе средних ШСМ.

Организация средних ШСМ в условиях Западной Сибири была сопряжена со значительными трудностями. Такие школы могли быть организованы только на базе средних детских школ, поскольку в этом случае старшие классы ШСМ обеспечивались квалифицированными педагогическими кадрами и необходимым оборудованием. Кроме того, даже при наличии в населенном пункте средней общеобразовательной школы необходимо было наличие в данном населенном пункте достаточного числа молодежи, желавшей продолжить свое образование. Именно по этой причине во второй половине 50-х гг. в ряде населенных пунктов были закрыты ШСМ, часть из которых была преобразована в учебно-консультационные пункты (УКП) заочных средних школ.

Местные Советы с целью наиболее полного охвата сельской молодежи, не имевшей законченного начального и семилетнего образования, создавали ШСМ при наличии минимума учащихся, не считаясь в данном случае с возрастающими финансовыми затратами. Как свидетельствуют данные о наполняемости классов ШСМ из табл. 1, к концу изучаемого периода в 1–4-х классах обучалось в среднем по Западной Сибири по 5–6 человек в классе.

Малая численность учащихся в начальных классах, а в ряде случаев и в 5–7-х классах, с одной стороны, способствовала более широкому охвату обучением сельской молодежи, а с другой — даже при небольшом отсеивании вела к закрытию классов и школ. Именно это обстоятельство было главной причиной нестабильности сети ШСМ в течение учебного года. Как свидетельствуют данные таблицы 2, в 1950-е гг. количество школ, закрывающихся в течение года, по сравнению с четвертой пятилеткой, увеличилось.

Библиографический список

1. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-718. Оп. 10. Д. 9.
2. ЦХАФ АК. Ф. Р-718. Оп. 11. Д. 34.
3. ЦХАФ АК. Ф. Р-718. Оп. 11. Д. 38.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-304. Оп. 27. Д. 6.
5. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 27. Д. 52. Л. 46.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 631.
7. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 2912.
8. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 4326.
9. Государственный архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 951.
10. ГИАОО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 3247.

11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 712.
12. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 772.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6746.
14. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6747.
15. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 1383.
16. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 654.
17. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 662.
18. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 773.
19. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6745.
20. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 7180.
21. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 1273.
22. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 3370.
23. Немзоров, Е. Р. Из опыта партийных организаций Западной Сибири по руководству культурно-техническим ростом рабочих и инженерно-технических работников в годы пятой пятилетки (1951–1955 гг.) / Е. Р. Немзоров // Из истории партийных организаций Сибири. — Новосибирск, 1970. — Вып. 46. — С. 199–213.
24. Комсомолец Кузбасса. — 1951. — 1 августа.
25. Учительская газета. — 1951. — 8 сентября.
26. Брель, В. Н. Деятельность партийных и комсомольских организаций промышленных предприятий Кузбасса по повышению культурно-технического уровня молодых рабочих (1951–1958 гг.) / Е. Р. Брель // Партийное руководство массово-политической и хозяйственной работой в Западной Сибири (1917–1970 гг.). — Томск, 1978. — С. 102–107.
27. ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 31. Д. 1657. Л. 1.
28. Правда. — 1952. — 12 октября.
29. Гаврилов, М. А. О работе партийных организаций по повышению общеобразовательного уровня работающей молодежи (1956–1958 гг.) / М. А. Гаврилов // Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. — 1974. — Вып. 7. — С. 175–180.

30. Горданов, В. П. Роль комсомольских организаций Алтайского края в повышении общеобразовательного уровня рабочей молодежи в годы V пятилетки (1951–1955 гг.) / В. П. Горданов // Деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению масс в революционное движение и повышению их активности в строительстве социализма и коммунизма. — Томск, 1977. — С. 99–105.
31. Молодой ленинец. — 1953. — 28 июня.
32. Красное знамя. — 1953. — 4 сентября.
33. Сборник руководящих материалов по обучению молодежи и взрослых. — М.: Учпедгиз, 1957. — 269 с.
34. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. Т. 9. — М.: Политиздат, 1986. — 574 с.
35. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа [1917–1973]: сб. докл. — М.: Педагогика, 1974. — 559 с.
36. Юмашев, А. С. Некоторые вопросы повышения общеобразовательного уровня сельской молодежи Западной Сибири (1951–1958 гг.) / А. С. Юмашев // Из истории партийных организаций Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 182–192.
37. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: стат. ежегодник. — М.: Госстатиздат, 1959. — 508 с.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории и политологии.
Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2015 г.

© А. Г. Дианов

Книжная полка

Георгиева, Н. Г. Историческое источниковедение. Понятийно-терминологические и методические проблемы: учеб. пособие для гуманитарных отделений вузов / Н. Г. Георгиева. — М.: Проспект, 2016. — 192 с. — ISBN 978-5-392-21084-8.

Курс «Источниковедение» входит в блок обязательных учебных дисциплин по специальности «История». Учебное пособие является продолжением учебника Н. Г. Георгиевой «Источниковедение: теоретические проблемы» (М.: Проспект, 2016. — 248 с.), составляя с ним единый учебный комплекс, в первой части которого рассмотрены теоретико-методологические и историографические, а во второй — понятийно-терминологические и методические проблемы источниковедения. Учебное пособие содержит обобщенную информацию о накопленном историками XVIII–XX вв. опыте решения теоретико-методических проблем исторического источниковедения. Рассмотрены вопросы: структура источниковедческого исследования; названия, цель и задачи его трех частей (эвристический, текстологический и герменевтический этапы); понятия «патернизация источника», «двойная» и «дублирующая датировка», «генеалогическое родство» и «генетические связи источников»; методика эвристической работы исследователя, установления авторства, хронологической и пространственной локализации источников, их подлинности и достоверности их информации. Для преподавателей, аспирантов, магистров, бакалавров и студентов, специализирующихся в области гуманитарных наук, а также для всех интересующихся историей отечественной исторической науки.

Георгиева, Н. Г. Историческое источниковедение. Теоретические проблемы: учеб. / Н. Г. Георгиева. — М.: Проспект, 2016. — 248 с. — ISBN 978-5-392-17521-5.

Курс «Источниковедение» входит в блок обязательных учебных дисциплин по специальности «История». Учебник содержит обобщенную информацию о накопленном историками XVIII–XX вв. опыте решения теоретико-методологических и понятийно-терминологических проблем исторического источниковедения. Рассматриваются этапы в истории формирования источниковедения в науку, процесс выработки историками определения понятия «исторический источник» и современное понимание этого понятия в свете теории информации, а также история решения историками проблемы классификации исторических источников и современная классификация исторических источников на типы и виды. Для преподавателей, аспирантов, магистров, бакалавров и студентов, специализирующихся в области гуманитарных наук, а также для всех интересующихся историей отечественной исторической науки.

ДВУРОГИЕ НОСОРОГИ — АРТ-ОБЪЕКТЫ РЕАЛИЙ ПЛЕЙСТОЦЕНА

Совокупность известных арт-объектов плейстоцена с изображениями двурогих носорогов позволяет оценить их основные биологические и этологические особенности. При помощи авторской методики возможна видовая дифференциация плейстоценовых изображений двурогих травоядных и листоядных носорогов, одновременно обитавших в Северной Евразии в период 31 000—13 000 лет назад.

Ключевые слова: история, обычаи, арт-объект, скульптура, рисунок, фотография, ископаемые двурогие носороги.

Искусство верхнепалеолитических анималистов служит, наряду с палеонтологическими и археозоологическими находками, важным источником информации о том, среди каких животных жили люди.

Ископаемые носороги — трудноизучаемая группа млекопитающих. Они никогда не достигали даже такой численности, как хоботные, не говоря уже о копытных, поэтому их костные останки относительно малочисленны. Будучи одними из важнейших представителей плейстоценовой фауны, носороги привлекали внимание многих авторов [1, 2]. До недавнего времени древнейшими и наиболее полными считались позднепалеолитические рисунки из пещер Ласко во Франции (17 000 лет) и Альтамира в Испании (15 000 лет). Но в декабре 1994 г. французскими спелеологами была открыта пещера Шове, древнейшая из ныне известных галерей верхнепалеолитического искусства [3], — возраст ее фресок около 31 000 лет, и они дают расширенный спектр изображений териофауны того времени. Кроме того, известны рисунки носорогов времен плейстоцена из пещеры в районе г. Геннерсдорфа в земле Рейнланд-Пфальц, Германия, есть они и среди изображений в пещере Ласко. В пещере Руффиньяк в департаменте Приморская Шаранта и в пещере Шове во французском департаменте Ардеш находятся сразу 65 изображений носорогов [4]. На некоторых рисунках видны изображения длинной шерсти некоторых носорогов, иногда встречаются черточки, изображающие складки шкуры [5]. Есть изображения носорогов в Каповой пещере в Башкирии; хорошо сохранившиеся изображения носорога были обнаружены в Быркинских скалах в Приаргунском районе в южном Забайкалье [6].

Отправной точкой для любой реконструкции (не считая тел, сохранившихся во льду) могут быть сохранившиеся изображения, оставленные художниками плейстоцена [7, 8]. Однако большинство этих арт-объектов имеют весьма поверхностную биологическую оценку, а потому нуждаются в соответствующем анализе. К тому же многие научные сведения либо уже устарели, либо имеют неверную или неточную трактовку, поэтому так важно проводить ревизию имеющихся данных.

Целью работы является оценка арт-объектов плейстоцена с изображениями двурогих носорогов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Оценить известные арт-объекты плейстоцена с изображениями двурогих носорогов относительно их биологических и этологических особенностей.

2. На основании авторской методики произвести видовую дифференциацию плейстоценовых изображений травоядных и листоядных носорогов.

Методами работы стали графическое исследование, вербальное моделирование и анализ, включающие описательные и графические элементы, их интерпретация с современных биологических позиций. В качестве иллюстративного материала использована лишь часть известных арт-объектов плейстоцена с изображениями носорога шерстистого, фотографии из открытых интернет-источников [4] без указания авторства; в ряде случаев они зеркально отображены для удобства сопоставления с арт-объектами плейстоцена. Во избежание графических искажений подбор изображений осуществлен с учетом фронтальности ракурса. В качестве объектов для сопоставления с рисунками художников плейстоцена использованы фотографии ныне живущих травоядного носорога белого *Ceratotherium simum* и листоядного носорога черного *Diceros bicornis*.

Видовая принадлежность однорогих с характерным «горбатым» профилем носорогов определена как эламотерий сибирский *Elasmotherium sibiricum* Fischer, 1809; его изображения предметом настоящего исследования не являются. Видовая принадлежность двурогих носорогов на изображениях художников плейстоцена указана с учетом результатов использования авторской методики дифференциации видов, которая базируется на выявлении двух основных закономерностей. Первая — определение угла между линией костной основы твердого неба *palatum osseum* и плоскостью затылочной кости *os occipitale*: при тупом угле вид определен как носорог травоядный; при близком к прямому — как носорог листоядный (рис. 1). Вторая — определение пропорциональности лицевой части черепа по длине линии между центром орбиты глаза *oculus orbitae* и дистальной частью носовой кости *os nasale* и под прямым углом по высоте между дистальной частью носовой кости *os nasale* и краем нижнечелюстной кости *os mandibulaire*: при существенном превышении промеров длины над высотой и роге средней длины в интервале пропорций 1,0/0,5—0,9/(0,6 и более) вид определен как носорог травоядный младшей и средней возрастных групп; в интервале пропорций 1,0/1,1—1,3/(3,3 и более) — как носорог травоядный старшей

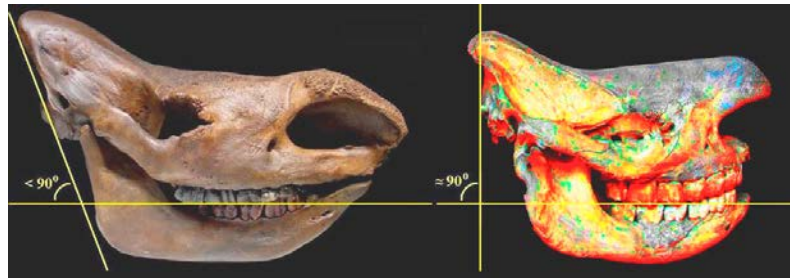

Рис. 1. Определение угла между линией костной основы твердого неба *palatum osseum* и плоскостью затылочной кости *os occipitale* у носорогов (авт.): слева — травоядного; справа — листоядного

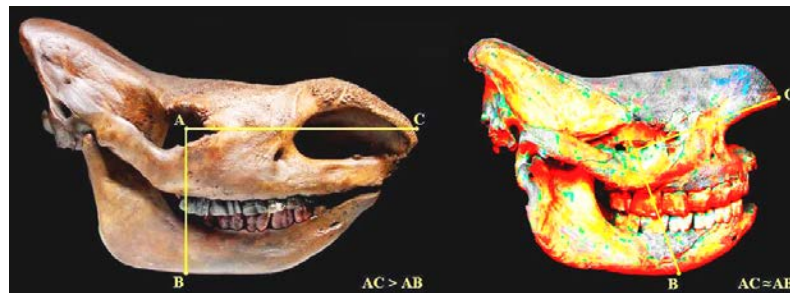

Рис. 2. Определение пропорциональности лицевой части черепа по длине линии между центром орбиты глаза *oculus orbitae* и дистальной частью носовой кости *os nasale* и под прямым углом по высоте между дистальной частью носовой кости *os nasale* и краем нижнечелюстной кости *os mandibulaire* у носорогов (авт.): слева — травоядного; справа — листоядного

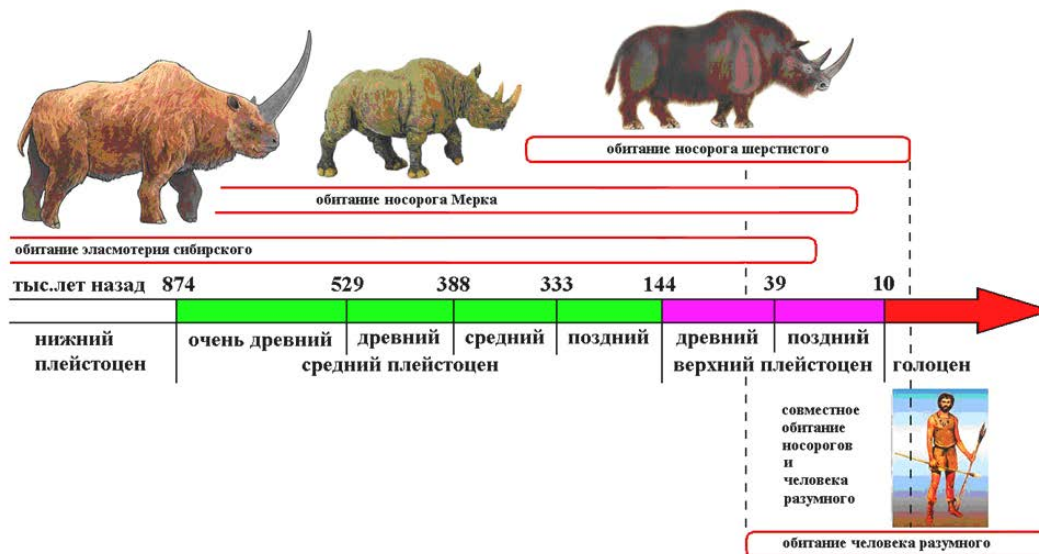

Рис. 3. Хронография обитания элазмотерия сибирского *Elasmotherium sibiricum*, носорога Мерка *Dicerorhinus kirchbergensis*, носорога шерстистого *Coelodonta antiquitatis* и человека разумного *Homo sapiens* на территории Северной Евразии (авт.). Хронология дана по шкале N. J. Shackleton [13]. Фигуры показаны в едином масштабе.

Линейки соответствуют геологической продолжительности существования видов. Пунктирная линия отмечает появление в Западной Сибири человека разумного и его совместное существование с носорогами разных видов

возрастной группы; при интервале пропорций, примерно равном $1,0/1,0 - 1,2/(0,8 - 2,2)$, — как носорог листоядный (рис. 2). С поправкой на прорисованные художниками плейстоцена мягкие ткани головы животного установленная закономерность сохраняется.

Угол наклона дистального (переднего) рога определен относительно линии от центра орбиты глаза *oculus orbitae* до дистальной части носовой кости

os nasale. Длина его изображения измерялась по большой кривизне (внешней стороне) в пропорции к длине линии от центра орбиты глаза *oculus orbitae* до дистальной части носовой кости *os nasale*.

К травоядным носорогам нами отнесены два изображаемых плейстоценовыми художниками вида (носорог шерстистый *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799; носорог ленский *C. lenensis* Pallas, 1772) [9–11] без выделения подвидов, с допущением

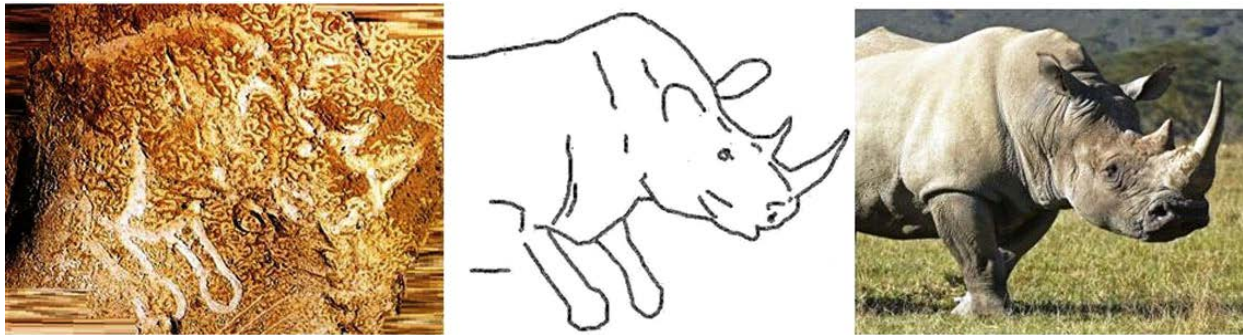

Рис. 4. Ориентирующийся относительно другой особи носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)

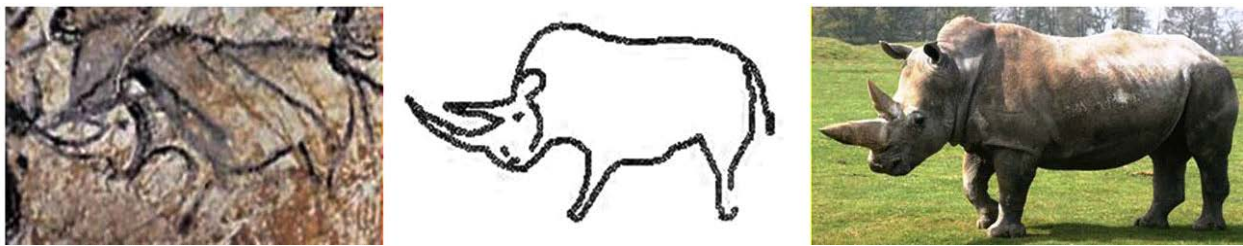

Рис. 5. Спокойно осматривающийся носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога черного в соответствующей позе (справа)

Рис. 6. Зимняя шерсть покрывала все тело травоядного носорога.
Рисунок в пещере Фон-де-Гом (*Font-de-Gaume*), Дордонь, Франция, 17 000–13 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога суматранского в соответствующей позе (справа)
с наиболее густой шерстью там же, где и у носорога шерстистого

возможности изображения других видов двурогих травоядных носорогов. К листовидным отнесен носорог Мерка *Diceros merki* (*Dicerorhinus kirchbergensis*) Jaeger, 1839, без выделения подвидов, с допущением возможности изображения других видов двурогих листовидных носорогов.

Географически ареалы носорога Мерка и носорога шерстистого, отчасти и эламотерия сибирского широко перекрываются. В соответствии с климатической ритмикой в европейской части ареала происходило замещение одного вида другим во времени. Но известны и места совместного обнаружения двух видов в одном слое [12]. На территории Сибири немногочисленность находок останков носорога Мерка не позволяет утверждать их совместное существование [10]. Однако различные требования носорога Мерка и носорога шерстистого к пищевым ресурсам в условиях бореального неледникового климата определяли возможность их обитания в одно время на одной территории, но в разных стадиях, подобно современным черному и белому носорогам.

На значительной части своего ареала травоядные и листовидные носороги обитали совместно с людьми

(рис. 3), но из-за обилия других объектов охоты в плейстоцене были для человека преимущественно индифферентными видами.

Длина тела носорогов шерстистого и ленского составляла до 4,5 м, высота в холке — до 2 м, масса тела — до 3–4 тонн; длина тела носорога Мерка — около 3,5 м, высота в холке — около 1,5 м, масса тела — до 2–3 тонн. Их шкура была толщиной 0,5–1,5 см, наиболее толстая на груди и плечах. На мозолях лобных и носовых костей один над другим располагались два рога: передний достигал в длину 80–140 см и весил до 15 кг, задний рог был гораздо короче (рис. 4, 5).

У носорога Мерка носовая перегородка была хрящевая; у носорогов шерстистого и ленского она была полностью окостеневшая у взрослых особей, а у молодых — лишь частично. Верхняя губа носорога Мерка была спереди треугольная, приспособленная к захвату и срыванию тонких веток и листьев; у шерстистого и ленского — квадратная, приспособленная к срыванию травы непосредственно с земли. У носорога Мерка была одна пара резцов; у носорогов шерстистого и ленского резцы отсутствовали; клыков

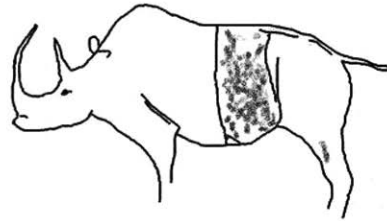

Рис. 7. Ориентирующийся относительно другой особи носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 38 000–31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)
с поперечно растрескавшейся белой глиной на боках, сформировавшей грязевую «манжетку»

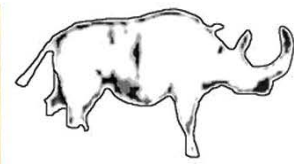

Рис. 8. Грязевые «манжетки» на боках особей носорога.
Рисунки в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад,
и прорисовки изображения

Рис. 9. Дистальный рог травоядного носорога может превышать длину его черепа.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)

у этих носорогов не было, прочие зубы были мощные и высокие с утолщенной эмалью.

Ноги носорогов короткие, массивные, трехпалые. На пальцах копыта, среднее самое крупное. У самок в паху два соска. На хвосте кисть из длинных волос. Вероятно, в разные погодно-климатические периоды плейстоцена носороги указанных видов имели шерстный покров различной степени развитости, поскольку известны плейстоценовые рисунки, изображающие их как с хорошо развитым шерстным покровом, так и с неразвитым. Судя по некоторым рисункам плейстоцена и извлеченным из вечной мерзлоты трупам носорога шерстистого, их бурый с рыжеватым оттенком шерстный покров покрывал все тело и состоял из двух видов волос — тонкого густого подшерстка и длинных жестких кроющих волос, свисавших по бокам и формирующих небольшую гриву на холке и шее [6, 11] (рис. 6).

Кроме того, о приспособленности к обитанию в тундростепях с чрезвычайно суровым климатом свидетельствуют анатомические особенности носорогов: крупные размеры, мощное телосложение, коротконогость, относительно маленькие уши и короткий хвост, очень толстая шкура, мышечно-жировой горб на загривке.

При плохой упитанности носорогов ребра рельефно проступали через кожу. На них хорошо держалась грязь после грязевых ванн, зрительно формируя своеобразную «манжетку» на боках в каудальной части грудной стенки (рис. 7, 8).

На основании установления идентичности возрастных стадий ископаемых и современных носорогов максимальная продолжительность их жизни определена в 40–45 лет [14]. Поскольку рога у носорогов растут в течение всей жизни, их длина может служить косвенным показателем возраста отдельных особей (рис. 9).

У листоногих носорогов передний рог был направлен преимущественно вверх, тогда как у травоядных сильно вперед — как приспособление для разгребания снега при зимнем кормлении [5] (рис. 10, 11).

В летнее время носороги нуждались в водопое, в зимнее ели снег. Листоногие носороги питались преимущественно побегами, листьями и корой древесно-кустарниковых растений, но летом ели и траву. Травоядные носороги питались травянистой растительностью, преимущественно осоками и злаками, но употребляли и побеги кустарников, в осенне-зимний период — травяную ветошь, кору и молодые побеги лиственных деревьев (ивы, ольхи и березы), которые добывали из-под снега, разгребая его движениями головы влево-вправо, из-за чего передние рога имели соответствующие потертости и истончения (рис. 12, 13).

Во время гона самец и самка составляли пару, но по завершении гона и наступления беременности у самки такая пара обычно распадалась. О турнирных боях самцов в период спаривания свидетельствуют потертости не только на переднем, но и на

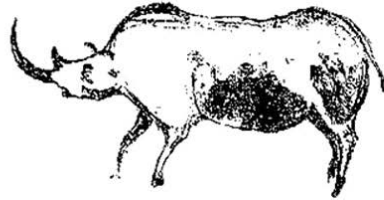

Рис. 10. Изгиб дистального рога, как и его длина, у травоядного носорога мог сильно варьировать.
Рисунок в пещере Руффиныяк (*Grotte de Rouffignac*), Франция, 14 000–13 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого (справа)

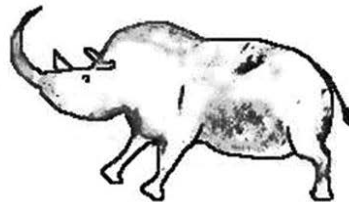

Рис. 11. Направленный вперед дистальный (передний) рог травоядного носорога является визуальным удлинением морды.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)

Рис. 12. Голова носорога.
Рисунок в пещере Колибоая (*Peștera Coliboaia*), северо-запад Румынии, 23 000 лет назад (слева);
его прорисовка (в центре);
фотография носорога черного в соответствующей позе (справа).
Ранее изображение трактовалось как «носорогослон»

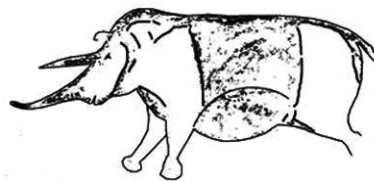

Рис. 13. Ориентирующийся относительно другой особи носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)

заднем роге, вызванные ударами о рога других самцов (рис. 14).

При всей бедности мимики носорогов о состоянии возбуждения особи однозначно свидетельствовали поза наибольшей устойчивости с расставленными ногами, выставленные вперед рога и поднятый вверх хвост (рис. 15).

Вероятно, массовый гон происходил с июля по сентябрь, беременность длилась не менее 18–20 месяцев, с тем чтобы детеныши рождались в мае; имела

место сезонность размножения. По данным о современных видах-аналогах, лактация у ископаемых носорогов длилась до двух лет, поэтому самка рожала один раз в 3–4 года, и обычно одного детеныша (рис. 16).

Половозрелость наступала в 3–5-летнем возрасте. При допущении, что самка могла рожать до глубокой старости, возможное количество ее потомков составляло 8–15 особей. Вероятно, имела место слабовыраженная фазность группового эффекта,

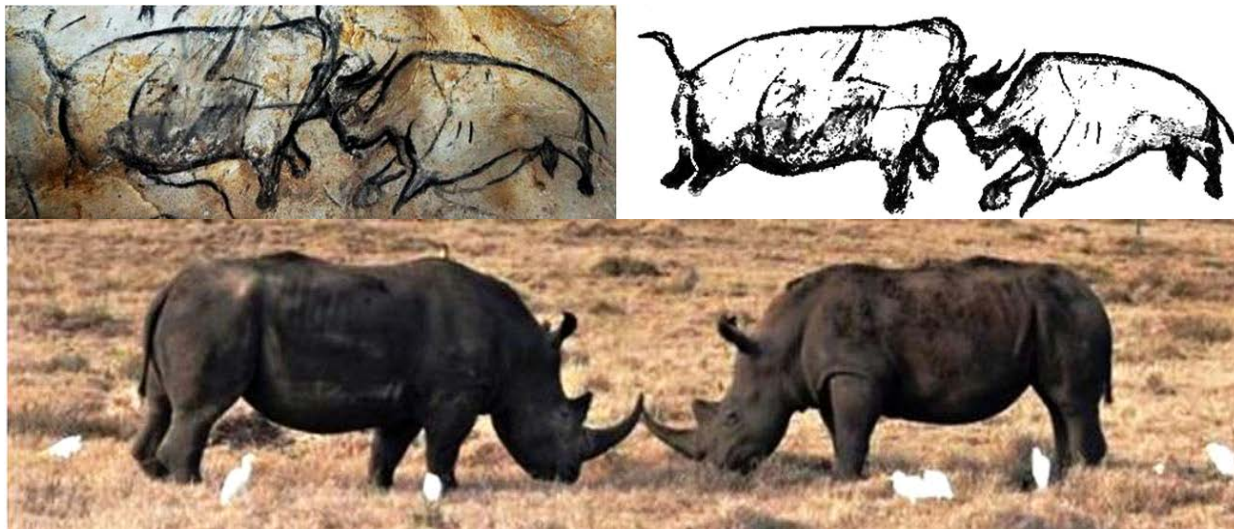

Рис. 14. Две особи носорога.
 Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева сверху);
 прорисовка изображения (справа сверху);
 фотография двух особей носорога черного в соответствующих позах (внизу).
 Возможно, половая принадлежность особей условно указана изогнутыми линиями
 под брюхом самцов (слева сверху), в прорисовке не показанными

Рис. 15. Возбужденный носорог.
 Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
 прорисовка изображения (в центре);
 фотография носорога белого в соответствующей позе (справа)

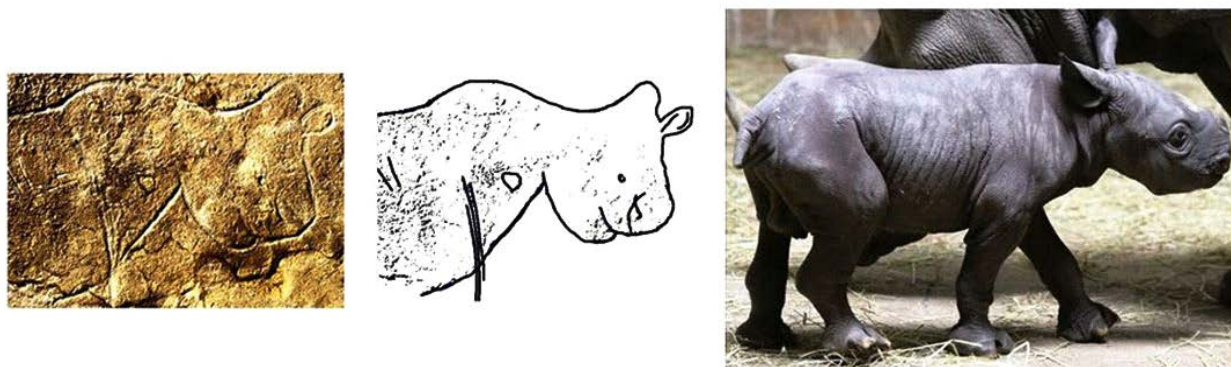

Рис. 16. Детеныш носорога.
 Рисунок в пещере Ласко (*Grotte de Lascaux*), Франция, 18 000–15 000 лет назад (слева);
 прорисовка изображения (в центре);
 фотография детеныша носорога черного (справа).
 Ранее изображение трактовалось как «кошачий портрет»

сезонного и многолетнего, когда происходило образование небольших групп, а затем их распадение на отдельных особей. Социальная организация популяций ископаемых носорогов была подобна таковой у современных носорогов, обитающих на открытых пространствах: один самец, на территории которого обитали 1–4 самки с потомством в возрасте до 2–3 лет. Травоядные носороги могли собираться в стада, насчитывающие до десятков особей.

Наиболее иллюстративно в этом отношении панно в пещере Шове, на котором изображены 17 особей травоядных и листоядных носорогов. На нем выделяется две группы рисунков, выполненных художниками в одной плоскости, что делает искажения пропорций на общем панно маловероятным. Задняя (верхняя) часть панно изображает смешанную группу из восьми травоядных носорогов, которые показаны с соответствующим количеством дисталь-

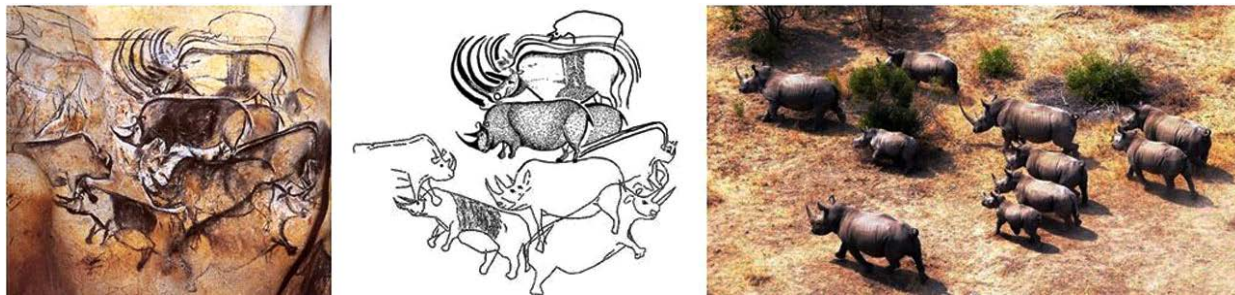

Рис. 17. Семнадцать особей травоядных и листоядных носорогов.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография группы разновозрастных особей носорога белого *Ceratotherium simum* (справа)

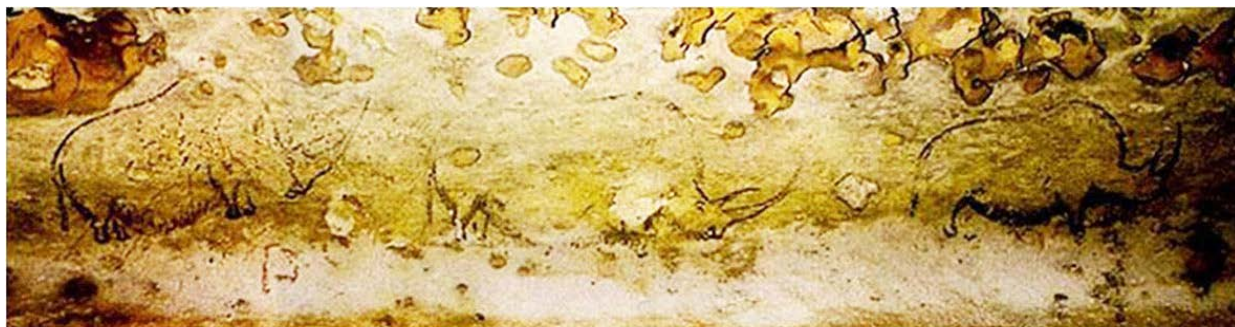

Рис. 18. Группа из трех пасущихся носорогов.
Рисунок в пещере Руффиньяк (*Grotte de Rouffignac*), Франция, 14 000–13 000 лет назад (вверху);
прорисовка изображения (в середине);
фотография носорогов белых в соответствующих позах (внизу)

ных (передних) рогов и наложенными друг на друга профилями, и трех листоядных носорогов (две особи слева и одна — справа от общей группы). Передняя (нижняя) часть панно выполнена из шести взаимонакладывающихся фигур, две из которых совмещены и частично изображены на изгибе поверхности, что создает трудности в распознавании видовой принадлежности носорогов; остальные четыре фигуры изображают листоядных носорогов в разных позах (рис. 17).

Изображения на этом панно свидетельствуют о том, что в период от 31 000 лет назад на территории Европы на одном из этапов плейстоцена травоядные и листоядные носороги обитали совместно и во время пастбы могли образовывать смешанные группы; на другом этапе численно преобладали листоядные носороги, жившие в одиночку. При этом есть рисунки, изображающие небольшие группы примерно одновозрастных взрослых носорогов (воз-

можно, самцов, следующих за самкой в эструсе) (рис. 18).

Однако не всегда группа рисунков свидетельствует о наличии смешанной группы носорогов разных видов, примером чему является еще один рисунок в пещере Шове. На нем в очевидно различной манере (и не известно, одновременно ли?) изображены четыре особи носорогов, из которых две являются травоядными, и две — листоядными (рис. 19).

Ископаемые носороги были приспособлены к жизни в открытых и слабозалесенных ландшафтах, предпочитая кустарники и высокотравье в широких поймах рек и по берегам озерных котловин, где в густой растительности заболоченных низин находили доступный корм даже в зимнее время — при высоте снежного покрова не более 20–25 см. Если слой снега превышал 35–40 см, ноги носорога проваливались глубже скакательного сустава, что значительно затрудняло движение животного. В еще более

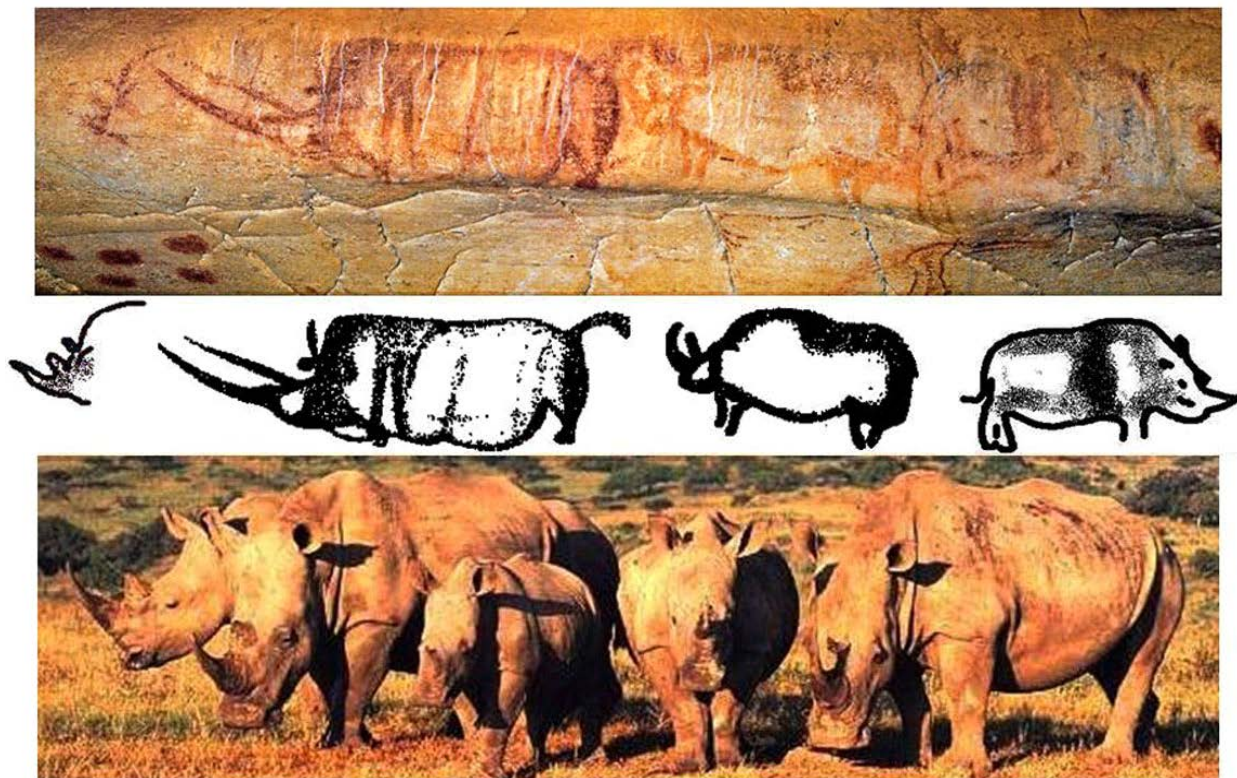

Рис. 19. Семейная группа травоядных носорогов с участием особей разного пола и возраста.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (вверху);
прорисовка изображения (в середине);
фотография группы носорогов белых (внизу)

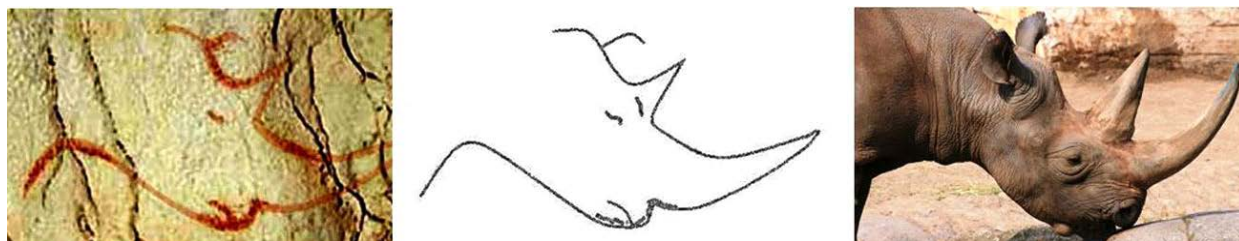

Рис. 20. Особь носорога с закрытыми глазами (спящая или больная).
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога черного в соответствующей позе (справа)

глубоком снегу носороги увязали по брюхо и, становясь практически беспомощными, могли кормиться лишь с большим трудом [15]. Рога служили тараном при прохождении сквозь заросли кустарников и высокотравья, и это еще одна причина их потертости. Значительную часть времени носороги паслись, наиболее активно в дневные часы, а во второй половине лета — и в вечерние. При этом экологические взаимоотношения видов были опосредованы влиянием на растительность. Их пищевое поведение преобразовывало ландшафт однонаправленно — в сторону увеличения доли травяных ассоциаций за счет уничтожения подлеска носорогом Мерка, кустарников и проростков древесных растений — носорогом шерстистым. Сезонные кочевки имели ограниченный характер в пределах соседних биотопов [15].

Палеонтологические свидетельства о наличии заболеваний носорога шерстистого крайне скудны (рис. 20); следов увечий и заживления ран и переломов также не обнаружено; инфекционные болезни

и паразитоценоз изучены недостаточно. Враги ископаемых носорогов были немногочисленны. Реальную опасность для больных или увечных особей и для детенышей могли представлять лев пещерный *Panthera leo spelaea*, медведь пещерный малый *Ursus (Spelaeartos) rossicus* и гиена пещерная *Crocota crocuta spelaea*. Взрослые здоровые особи ископаемых носорогов врагов не имели, будучи в состоянии дать им отпор (рис. 21).

Добычей людей изредка становились молодые или ослабленные по какой-либо причине особи (рис. 22).

Пищевыми конкурентами шерстистого носорога были копытные, особенно в весеннее время, когда кормовые ресурсы были ограничены. Но поскольку копытные употребляют предпочитаемые носорогами корма в относительно малом количестве, их конкуренция с носорогами не носила напряженного характера.

В связи с глобальным изменением климата 12 000—9 000 лет назад, повышением влажности и увеличением толщины снежного покрова в позднем

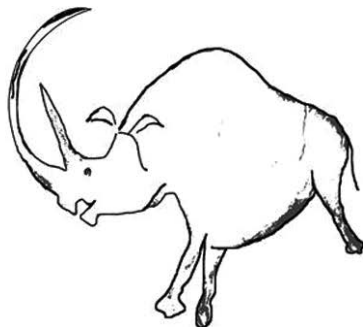
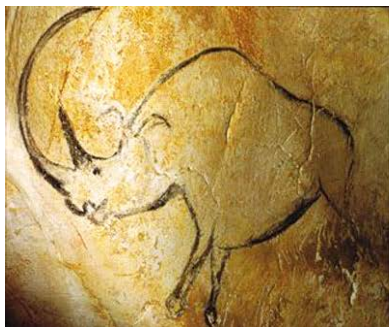

Рис. 21. Атакующий носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (в центре);
фотография носорога черного в соответствующей позе (справа)

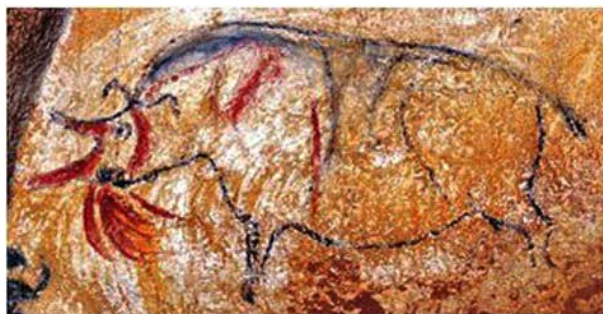

Рис. 22. Истекающий кровью носорог.
Рисунок в пещере Шове (*Grotte Chauvet*), Франция, 31 000 лет назад (слева);
прорисовка изображения (справа)

плейстоцене — раннем голоцене в Северной Евразии началось формирование равнинных лесов. В результате этих процессов общий ареал ископаемых носорогов сначала инсуляризовался, а затем началось вымирание видов. Первыми вымерли листоядные носороги, которые не сумели в достаточном количестве добывать корм из-под снега, чтобы обеспечивать энергетические потребности организма; и произошло это в исторически короткий отрезок времени. Травоядные носороги (шерстистый и ленский), умевшие добывать корм из-под снега определенной глубины, просуществовали заметно дольше. Однако уже в раннем голоцене — на фоне снижения биологического многообразия и численности охотничьих видов мамонтовой фауны — носороги шерстистый и ленский стали дополнительными объектами охоты людей [10]. Показательно, что их останки связаны лишь с 11 % известных стоянок палеолитических племен Сибири [5]; на Западной Украине на сохранившемся в озокерите трупе носорога у плеча и бедра были обнаружены следы ранения острым предметом [6]; в Западной Европе большая часть находок останков приходится на стоянки палеолитического человека [10]. Однако роль охоты людей в вымирании ископаемых носорогов требует своего исследования.

Известный с эоплейстоцена в Северной Евразии носорог Мерка дожил на юге Западной Европы (в Италии) до конца позднего плейстоцена, обитая в степных ландшафтах вместе с представителями мамонтовой фауны [3].

Результаты радиоуглеродного анализа возраста останков носорога шерстистого показали, что его окончательное вымирание произошло в Европе 16 000 — 14 000 лет назад, на Урале и в Западной Сибири — около 10 000 лет назад, на территории Китая и Монголии — менее 9 000 лет назад [10].

Таким образом, ископаемые носороги были популярными объектами, изображения которых отражали реалии плейстоцена. Наряду с изображениями особой двурогой травоядной имеются изображения двурогой листоядной носорогов, которые все в общем информационном массиве трактуются как «шерстистый носорог», хотя это не подтверждается единообразием деталей, к которым были так внимательны художники плейстоцена.

Для видовой дифференциации носорогов был проведен соответствующий графический анализ ряда уже известных плейстоценовых изображений и их фрагментов (рис. 23).

Корреляция между длиной дистального (переднего) рога и соотношением высоты головы носорога от линии между центром орбиты глаза *oculus orbitae* и дистальной частью носовой кости *os nasale* и высоты под прямым углом между дистальной частью носовой кости *os nasale* и краем нижнечелюстной кости *os mandibulaire* у изображений травоядных носорогов прямая сильная ($p=0,0001$; $r=0,73$), с углом наклона рога — прямая слабая ($p=0,0001$; $r=0,25$), при этом корреляция между длиной рога и углом его наклона прямая слабая ($p=0,0001$; $r=0,21$). У изображений листоядных носорогов эти корреляции, соответственно, обратная очень слабая ($p=0,0001$; $r=-0,02$), обратная средняя ($p=0,0001$; $r=-0,67$), прямая слабая ($p=0,0001$; $r=0,17$).

Это свидетельствует о том, что длина дистального (переднего) рога на плейстоценовых рисунках травоядных носорогов была тем больше, чем больше была высота лицевой части головы особи, тогда как у листоядного носорога такая зависимость почти отсутствовала. При этом рог у травоядного носорога был тем более наклонен вперед, чем большая высота была у лицевой части головы. Но эта зависимость была

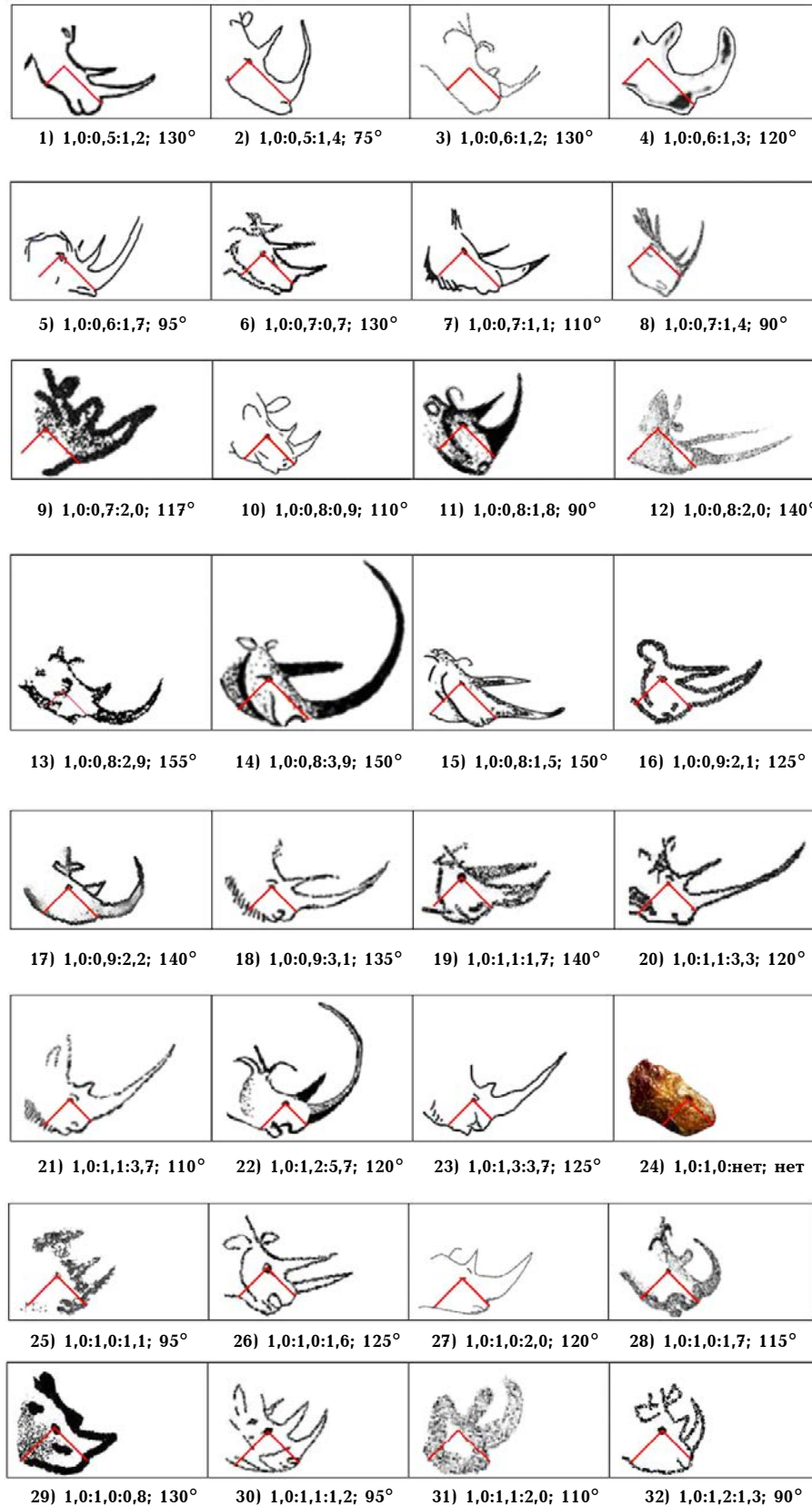

Рис. 23. Изображения голов носорогов с морфометрическими показателями определения пропорциональности лицевой части черепа по длине между центром орбиты глаза *oculus orbitae* и дистальной частью носовой кости *os nasale* (первый показатель пропорции, 1,0) и по высоте под прямым углом между дистальной частью носовой кости *os nasale* и краем нижнечелюстной кости *os mandibulaire* (второй показатель пропорции); длине рога (третий показатель пропорции); угол направления рога в 1/3 проксимальной части относительно линии длины лицевой части черепа (четвертый показатель) у носорогов: травоядных (1–23); листоядных (24–32).
 Прорисовка изображений: 5 — из пещеры Колибоая (*Peștera Coliboaia*), Румыния;
 24 — из Дольни-Вестонице (*Dolní Věstonice*), Моравия; 7 — из пещер Фон-де-Гом (*Font-de-Gaume*),
 1 — Трилобит (*Grotte Trilobite*), 13, 18, 21, 23 — Руффиньяк (*Grotte de Rouffignac*), 8 — Трех Братьев (*Les Trois-Freres*),
 2, 4, 6, 9–12, 14–17, 19, 20, 22, 25–29, 30–32 — Шове (*Grotte Chauvet*), 3 — Алден (*Grotte de l'Aldène*), Франция.
 Некоторые изображения отображены зеркально; все рисунки приведены к единому масштабу

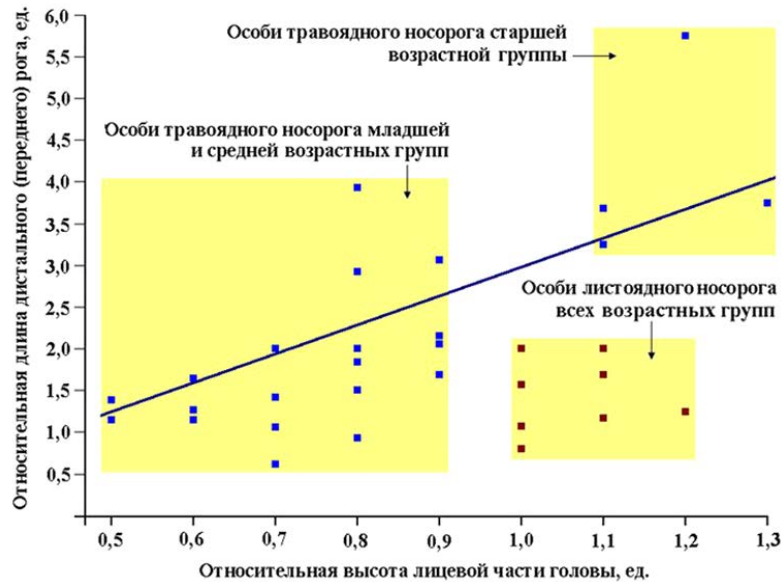

Рис. 24. Распределение рисунков особей ископаемых носорогов по видам и возрастным группам в соответствии с морфометрическими показателями. Указана линия тренда изменения морфометрических показателей на рисунках травоядного носорога. Один значок соответствует изображению одной особи

Рис. 25. Скульптурное изображение головы носорога из обожженной глины, длина 6 см, Дольни-Вестонице (*Dolní Věstonice*), Моравия, 29 000–22 000 лет назад (слева); фотография носорога черного в соответствующей позе (справа); совмещение изображения скульптуры и фрагмента фотографии (в центре)

выражена слабо, тогда как у листоядного носорога чем большая высота была у лицевой части головы, тем менее вперед был направлен рог, в своей проксимальной части приближаясь к прямому углу наклона относительно линии между центром орбиты глаза *oculus orbitae* и дистальной частью носовой кости *os nasale*.

При сопоставлении морфометрических показателей носорогов на рисунках плейстоценовых художников достаточно четко выделяются три информационных массива, соответствующих разновидовым и разновозрастным особенностям изображенных особей (рис. 24).

Это позволяет предположить большую продолжительность жизни особей травоядных носорогов по сравнению с листоядными и произвести дифференцированную оценку исследуемых морфометрических показателей. У травоядных носорогов младшей и средней возрастных групп длина дистального (переднего) рога на плейстоценовых рисунках в средней степени зависит от высоты лицевой части головы особи ($p=0,0001$; $r=0,53$), тогда как у особей старшей возрастной группы — в слабой ($p=0,0001$;

$r=0,26$), поскольку у них высота лицевой части головы больше, в силу чего пропорции головы несколько иные. Однако в младшей и средней возрастных группах травоядных носорогов угол наклона дистального рога на плейстоценовых рисунках в средней степени зависит от высоты лицевой части головы особи ($p=0,0001$; $r=0,46$), тогда как у особей старшей возрастной группы эти показатели имеют сильную взаимозависимость ($p=0,0001$; $r=0,76$). Но длина рога и угол его наклона у особей младшей и средней возрастных групп имеют прямую среднюю зависимость ($p=0,0001$; $r=0,47$), а у особей старшей группы — прямую слабую ($p=0,0001$; $r=0,10$). Следовательно, чем крупнее у травоядного носорога с возрастом делается лицевая часть головы и длиннее рог, тем более он наклонен вперед. Для листоядных носорогов возрастных особенностей у изображенных особей установить не удалось из-за ограниченности выборки.

Установленные закономерности есть проявление половозрастных особенностей у разных видов, свидетельствующих не только о разном типе преимущественного питания носорогов (травоядного

и листьядного), но и о внимательности к деталям художников плейстоцена, передающих в своих произведениях реалии своего окружения.

Из отечественных ученых Н. А. Воронцов [16] первым высказал предположение о том, что некоторые изображения носорогов в пещере Шове являются изображениями не носорога шерстистого, а двурогого носорога с более крупными рогами, без следов шерстного покрова, с ярко выраженной кожной складкой: «...быть может, это носорог Мерка, который дожил на юге Европы до конца позднего плейстоцена? Однако если от шерстистого носорога, бывшего объектом охоты в палеолите и исчезнувшего к началу неолита, сохранились довольно многочисленные остатки кожи с волосным покровом, роговые наросты на черепе, то от носорога Мерка до нас дошли лишь костные останки, а кератиновые рога не сохранились» [16]. Настоящее наше исследование подтверждает обоснованность высказанных предположений о том, что в Европе одновременно обитали травоядные и листьядные носороги: изображения листьядных носорогов периода 31 000—13 000 лет назад имеются в пещере Шове во Франции, в Дольни-Вестонице в Моравии.

Установленные закономерности позволяют использовать морфометрические показатели при реставрации арт-объектов плейстоцена, зоологически верно восстанавливая утраченные детали изображений (рис. 25).

Эти же установленные закономерности позволяют усомниться в правильности некоторых современных общепризнанных художественных реконструкций вымерших носорогов, что является объектом отдельного исследования.

Выводы.

1. Совокупность известных арт-объектов плейстоцена с изображениями двурогого носорога дает возможность оценить их основные биологические и этологические особенности.

2. Авторская методика позволяет произвести видовую дифференциацию плейстоценовых изображений двурогого травоядного и листьядного носорогов.

3. На основании анализа плейстоценовых рисунков можно утверждать, что в Северной Евразии 31 000—13 000 лет назад одновременно обитали двурогого травоядного и листьядного носороги. В случайной выборке рисунки травоядных носорогов имеют значительное численное преобладание.

Библиографический список

1. Кассал, Б. Ю. Животные Омской области: биологическое многообразие: моногр. / Б. Ю. Кассал. — Омск: Изд-во АМФОР, 2010. — 574 с.
2. Кассал, Б. Ю. Непарнокопытные. Носорог шерстистый / Б. Ю. Кассал // Энциклопедия Омской области. В 2 т. Т. 2. М—Я; под общ. ред. В. Н. Русакова. — Омск: Ом. кн. изд-во, 2010. — С. 76, 98.
3. Chauvet, J.-M. Chauvet Cave: The Discovery of the World's Oldest Paintings / J.-M. Chauvet, E. B. DeSchamps, Ch. Hillaire. — London: Thames and Hudson, 1996. — 135 p.

4. Режим доступа: http://go.mail.ru/search_images?q=носорог шерстистый. — Загл. с экрана (дата обращения: 20.04.2014).

5. Stuart, A. J. Extinction chronology of the woolly rhinoceros *Coelodonta antiquitatis* in the context of late Quaternary megafaunal extinctions in northern Eurasia / A. J. Stuart, A. M. Lister // Abstracts From: Quaternary Science Reviews. — 2012. — № 51. — P. 1—17.

6. Woolly rhino discovery in the lower Kolyma River / G. G. Boeskorov [et. al], // Quaternary Science Reviews. — 2011. — № 30. — P. 2262—2272.

7. Кассал, Б. Ю. Проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* на палеолитических изображениях / Б. Ю. Кассал // Эволюция жизни на земле: материалы IV Междунар. симпозиума, 10—12 ноября 2010 г.; отв. ред. В. М. Полбина. — Томск: ТМА-Пресс, 2010. — С. 607—610.

8. Кассал, Б. Ю. Произведения искусства палеолита — свидетельство полового диморфизма представителей рода *Bison* / Б. Ю. Кассал // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. — 2014. — № 1 (2). — С. 30—33.

9. Гарутт, Н. В. К истории изучения шерстистого носорога / Н. В. Гарутт // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. — М.: Геос, 2001. — С. 22—33.

10. Гарутт, Н. В. Шерстистые носороги: к истории рода / Н. В. Гарутт, Г. Г. Боесков // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. — М.: Геос, 2001. — С. 157—168.

11. Каландадзе, Н. Н. К вопросам номенклатуры шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799) / Н. Н. Каландадзе, А. В. Шаповалов, Е. М. Тесакова // Исследования по палеонтологии и биостратиграфии древних континентальных отложений (памяти профессора В. Г. Очева): сб. науч. ст. — Саратов: Науч. кн., 2009. — С. 98—111.

12. Tong, H. Quaternary Rhinoceros of China / H. Tong, A.-M. Moigne // Acta Anthropologica Sinica. — 2000. — Supplement to Vol. 19. — P. 219—222.

13. Shackleton, N. J. The Stratigraphic Record of Deep-Sea Cores and Its Implications for the Assessment of Glacials, Interglacials, Stadials, and Interstadials in the Mid-Pleistocene / N. J. Shackleton // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene. — Hague: Mouton Publishers, 1975. — P. 1—24.

14. Garutt, N. V. Dental ontogeny of the woolly rhinoceros *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) / N. V. Garutt // Cranium. — 1994 (mart). — Jrg. 11, № 1. — P. 37—48.

15. Боесков, Г. Г. Некоторые морфологические и экологические особенности ископаемого шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) / Г. Г. Боесков // Зоологический журнал. — 2012. — Т. 91, № 2. — С. 219—235.

16. Воронцов, Н. А. Экологические кризисы в истории человечества / Н. А. Воронцов // Соросовский образовательный журнал. — 1999. — № 10. — С. 2—10.

КАССАЛ Борис Юрьевич, кандидат ветеринарных наук, доцент (Россия), старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела.
Адрес для переписки: BY.Kassal@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2015 г.

© Б. Ю. Кассал

ПРАКТИКА ЗАГОННЫХ ГРУППОВЫХ ОХОТ НА БЕРЕГАХ СИБИРСКИХ РЕК В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

Практика загонных групповых охот в плейстоцене и раннем голоцене включала в себя комплекс знаний и навыков по управлению стадами крупных копытных животных, имевших существенные нюансы для разных видов — бизонов, лошадей и др., использование охотничьего оружия для нанесения животному несовместимых с жизнью травм, способов массового разделывания значительного количества жертв, массовой заготовки мясных продуктов и шкур с их последующим применением. Известные современные арт-объекты с соответствующими реконструкциями содержат дефекты, обусловленные незнанием этой культуры.

Ключевые слова: история, обычаи, арт-объекты, плейстоцен, загонная охота, сибирские реки.

В плейстоцене тундростепи служили местом обитания млекопитающих так называемой мамонтовой фауны, в позднем верхнем плейстоцене общей для Северной Евразии и Америки [1, 2]. Судя по известным костным останкам мамонтовой фауны на территории Среднего Прииртышья (СП), в плейстоценовых тундростепях наиболее многочисленными были тарпан степной *Equus gmelini*, лошадь Пржевальского *Equus ferus przewalskii*, в летнее время — кулан *Equus hemionus* и сайгак *Saiga tatarica*. Столь же многочислен был и бизон степной первобытный *Bison priscus*, особи которого объединялись в большие стада. Олень северный *Rangifer tarandus*, видимо, был еще многочисленнее, однако нельзя достоверно судить о его численности по костным останкам, поскольку некрупные кости оленя съедались хищниками и падальщиками [3–5]. Мамонт волосатый *Mammuthus primigenius* был не очень многочислен, но именно он был ценозообразующим видом мамонтовой фауны [6].

В составе мамонтовой мегафауны были виды, обитавшие на территории Западно-Сибирской равнины постоянно — оседло или совершая сезонные миграции как в широтном, так и в долготном направлениях, и те, кто приходил туда лишь на лето, а к зиме мигрировал на юг за пределы равнины. Стадные травоядные животные совершали долготные сезонные миграции по водоразделам и долинам рек, однако точное направление и протяженность этих миграций лишь предположительны. Широтные перемещения по водораздельным равнинам давали возможность полноценного внутрисезонного использования экологических возможностей разнообразных биотопов, а пересечение рек — возможность освоения свободных пастбищ. Животные некоторых видов на зимний период покидали СП и совершали миграции, уходя далеко на юг, в зону холмистых равнин, в предгорья и горные долины, на берега Каспийско-Аральского моря. Так поступали сайгаки, бизоны степные первобытные, некоторые другие травоядные. Их миграционные пути проходили по междуречьям и вдоль рек; по ископаемым остаткам заходы сайгаков известны на север до берегов р. Тары (около 56,5 °N).

Обитание человека в СП известно в течение 45 тыс. лет [7, 8], но его пребывание на территории

сколь угодно заметно стало лишь в последнее межледниковье, с 13–12 тыс. лет назад. В это же время увеличились контакты человека с представителями мамонтовой мегафауны, во многих случаях служившими ему добычей. Охота на мамонтов и крупных копытных животных, борьба с крупными хищниками производились несколькими способами [9–14], одним из которых был групповой загон стадных животных. Однако, несмотря на известность этой охоты, производимая до настоящего времени историческая реконструкция культуры загонных охот на стадных копытных животных содержит многочисленные погрешности и несообразности биологического и утилитарно-бытового, этологического и социального характера. Поэтому **целью работы** является оценка особенностей культуры загонных групповых охот на крупных копытных зверей в плейстоцене. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить арт-объекты с реконструкциями загонной групповой охоты на крупных копытных зверей и оценить возможности отображенных на них действий.

2. Предложить реконструкцию результативной загонной групповой охоты на крупных копытных зверей во времена плейстоцена и раннего голоцена.

Методами работы стали графическое исследование, вербальное моделирование и анализ, включающие в себя описательные и графические элементы, их интерпретация с современных биологических позиций. В качестве иллюстративного материала использована лишь незначительная часть известных изображений сцен охоты на крупных копытных зверей. Автор имеет многолетний опыт управления гуртами скота при проведении профилактических ветеринарных мероприятий. Благодаря этому он владеет арсеналом визуальных приемов и навыков, позволяющих направлять гурты в определенном направлении и в определенном темпе, в т.ч. и нежелательном для самих животных. Именно этот опыт используется в приводимой реконструкции результативной загонной групповой охоты на крупных копытных зверей.

Результаты исследования. На территории Западной Сибири известно обитание в прошлом нескольких видов крупных копытных зверей и слонов, сме-

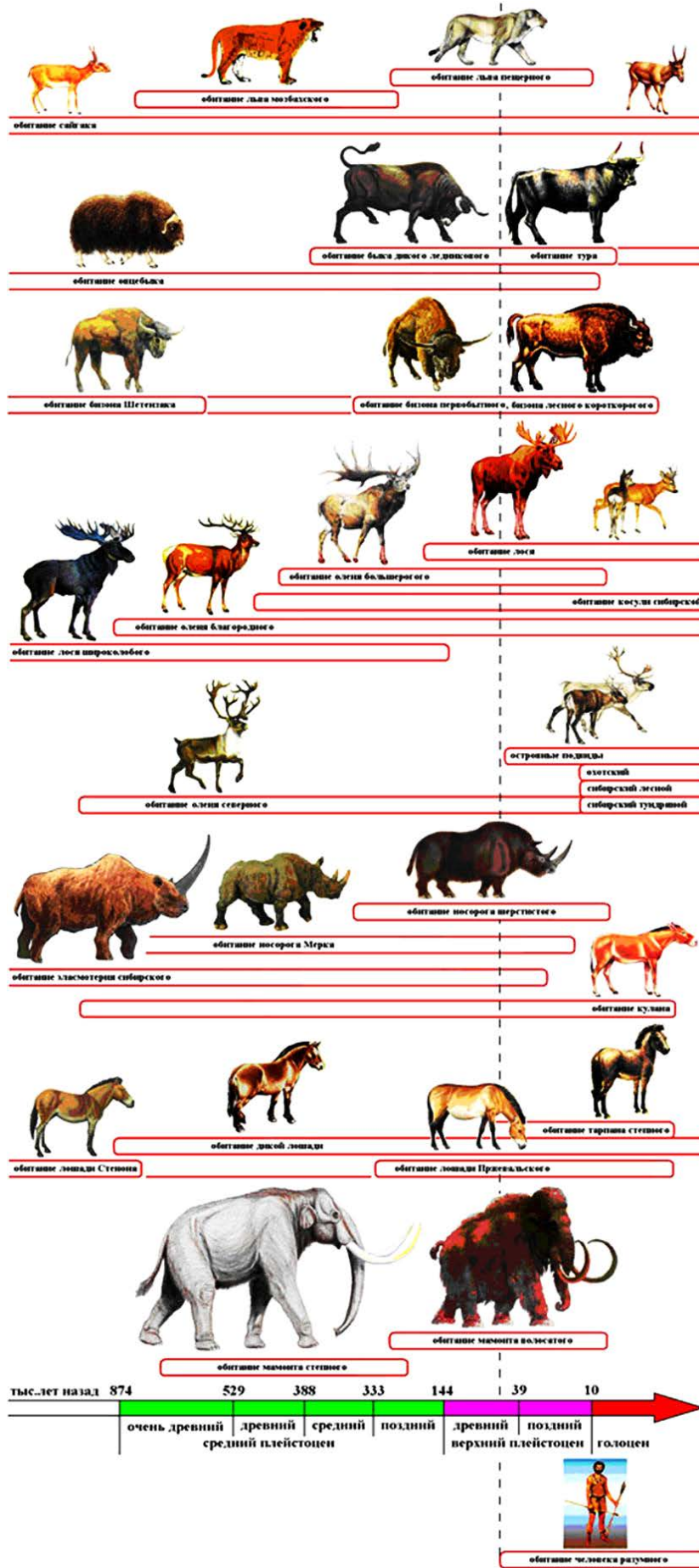

Рис. 1. Время существования основных видов мамонтовой мегафауны в Западной Сибири (Среднем Прииртышье) в плейстоцене–голоцене. Хронология дана по шкале Н. Шеклтона [15].

Фигуры показаны в едином масштабе.

Линейки соответствуют геологической продолжительности существования видов.

Пунктирная линия определяет начало периода существования в Западной Сибири человека разумного

Рис. 2. Реконструкция плейстоценовой загонной охоты на диких лошадей *Equus ferus* в окрестностях нынешнего г. Солютре (севернее г. Лиона, Франция) с использованием открытого огня, в изображении академика живописи З. Буриана при научном консультировании профессора, доктора наук Й. Аугусты, из [28: картина 29]

нявших друг друга во времени или живших одновременно и бывших современниками человека (рис. 1).

Из них объектами загонной групповой охоты в плейстоцене на территории СП могли быть бизоны степные первобытные, дикие лошади — тарпан степной, лошадь Пржевальского, кулан, а также сайгак, олень северный, мамонт волосатый. Звери этих видов были широко распространены по всей Северной Евразии.

Результаты плейстоценовой загонной групповой охоты в Северной Евразии известны и описаны для ряда географических пунктов, из которых наиболее известны мустьерские могильники ископаемых костей жертв загонных групповых охот на ослов, лошадей, бизонов и мамонтов в Староселье в окрестностях Бахчисарая и Чокурчи неподалеку от Симферополя [16–18]; древний овраг на правом берегу р. Крынки в окрестностях г. Амвросиевки (Донецкая обл., Украина), где на его дне на площади около 200 м² найдены останки 983 бизонов степных первобытных, еще несколько подобных мест известны в междуречье Дона и Буга [19–22]. Столь же известна скала близ г. Солютре во Франции, под которой найдены кости десятков тысяч лошадей, геохронологический возраст которых составляет около 17 тыс. лет [23]. Следует отметить, что места массового убивания бизонов за последние 10 тыс. лет, вплоть до начала XIX в., известны и в прериях Северной Америки [24–26]. Однако для Западной Сибири места загонной групповой охоты с использованием обрывов не описаны, поскольку из-за отсутствия подтверждающих скопления костей добываемых таким образом животных таких предположений даже не выдвигалось.

Общепризнанным примером позднелепестовской большой загонной групповой охоты является охота на диких лошадей, проводившаяся в окрестностях нынешнего г. Солютре (севернее г. Лиона, Франция). Поводом для признания стало огромное количество костей диких лошадей под обрывом кру-

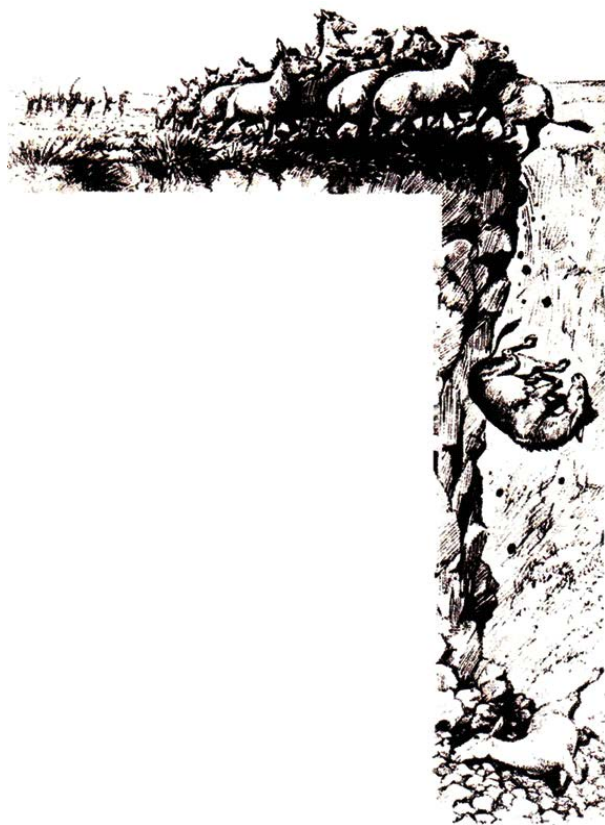

Рис. 3. Реконструкция плейстоценовой охоты на лошадей Пржевальского *Equus ferus przewalskii*, место и художник не установлены, из открытых интернет-источников [31]

той скалы высотой 350 м, которая завершает плоскую равнину. Останки принадлежат, по одним оценкам, 40 тыс. особей [23], по другим — до 100 тыс. особей [27]. «По пологому склону охотники гнали

Рис. 4. Реконструкция плейстоценовой охоты на ослов *Equus asinus*, художник Е. Захаров, из [17]

диких лошадей на верх скалы, во многих случаях применяя огонь, который они разводили и который разносился ветром по всему склону скалы. Пламя, охватывавшее сухую траву, облака дыма и крики охотников гнали диких лошадей на вершину скалы...» [28: картина 29, коммент.] (рис. 2).

Поскольку авторы реконструкции академик живописи З. Буриан и его научный консультант профессор, доктор наук Й. Аугуста не имели навыков управления поведением копытных животных и опыта устройства костров и выжигания сухой травы, их предположение о поджогах и боязни открытого огня крупными копытными животными оправдано поисками хоть какой-нибудь логики в попытках объяснить и проиллюстрировать процесс охоты, но ничем не обосновано. Изображение горящих сучьев в руках загонных охотников на картине «Охота на диких лошадей» [28: картина 29] является неоправданным и избыточным в реализации сюжета. Многочисленные наблюдения в саваннах Африки за поведением крупных копытных животных во время степных пожаров, в т. ч. и достаточно сильных, свидетельствуют о том, что боязни открытого огня у них нет: антилопы и зебры нередко пасутся около самой стены пламени, поднимающейся над горячей сухой травой [29, 30]; аналогичные наблюдения имеются и относительно американских бизонов в Северной Америке [24]. Кроме того, выжигание сухой травы в месте охоты на лошадей или бизонов возможно лишь один раз в году — весной, когда сухая прошлогодняя трава уже высохла, а молодая сочная трава еще не поднялась и не мешает пожару; во все остальные времена года гореть в этом месте нечему. При этом возникает вопрос: а всегда ли имеется достаточное количество сухой травы на обнаженной скале для того, чтобы ее горение могло напугать лошадей, или ее надо в нужных объемах где-то заготавливать и вместе с дровами доставлять в место предполагаемой охоты, а потом своевременно разжигать и ждать, пока все это разгорится и крупные копытные как-то отреагируют на эти костры?

Этот сюжет [28: картина 29] — при не критичном восприятии — с различным художественным мастерством был многократно воспроизведен другими

художниками (иллюстраторами научных и научно-популярных произведений) с повторением тех же заблуждений — в реконструкциях загонных групповых охот на лошадей Пржевальского (рис. 3), на ослов (рис. 4), на других крупных копытных животных.

Однако загонные групповые охоты на крупных копытных зверей должны были происходить с иными причинно-следственными связями внутри этого процесса, иной детализацией поведенческих актов людей и животных, иным сюжетом самого действия, хотя и с сохранением известной фабулы. Эти особенности рассмотрены нами в реконструкции плейстоценовой загонной групповой охоты на крупных копытных стадных животных на берегу одной из сибирских рек — Иртыша.

Большинство крупных сибирских рек (Иртыш, Обь, Енисей, др.) текут с юга на север и под влиянием силы Кориолиса размывают правый берег, делая его обрывистым за счет смывания грунта I и II (а в ряде мест и III) надпойменных террас. Процессы эрозии прорезают правый берег реки оврагами значительной протяженности, которые постепенно размываются и превращаются в лога, зарастая деревьями и кустарниками. Эти овраги и лога препятствуют прямолинейному перемещению вдоль края размытых надпойменных террас; пространства между логами становятся полуизолированными пастбищами. Такие участки на берегу р. Иртыш и до настоящего времени обладают лучшими по плодородию черноземами в регионе [32], обеспечивающими высококачественный травостой, который и может привлекать на них травоядных животных. Овраги и лога, поросшие густым березняком, у выхода к Иртышу имели глубину до 20 м и ограничивали перемещения животных (рис. 5).

Имеющиеся экологические условия умело использовались плейстоценовыми охотниками. Когда разведчики сообщали о приближении к удобному месту охоты на правобережье стада бизонов или табуна лошадей, неторопливо путешествовавших на юг к местам зимовок, тут же эта информация передавалась по цепочке дымовыми сигналами в поселение. На перехват диких животных отправлялись

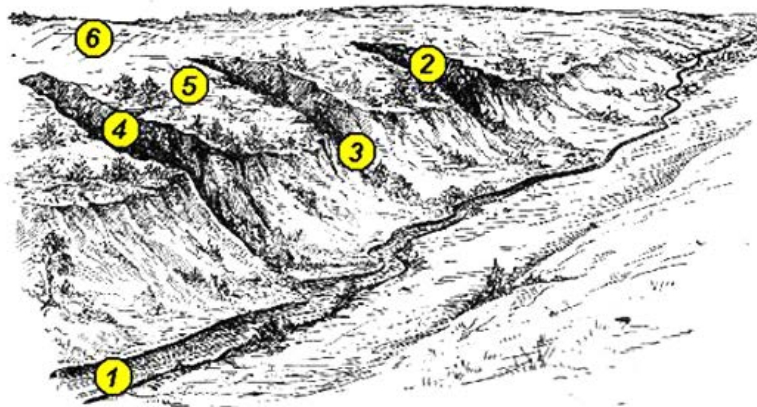

Рис. 5. Схема размещения объектов на правом берегу р. Иртыш:

- 1 — относительно прямой участок русла реки с направлением с юга на север;
- 2 — образование оврага в правобережной надпойменной террасе;
- 3 — развитие древесно-кустарниковой растительности на выносе грунта из оврага и начало его превращения в лог;
- 4 — сформировавшийся лог, зарастающий деревьями;
- 5 — межлоговый участок с обильным травостоем;
- 6 — плакорная часть, по которой можно перемещаться прямолинейно вдоль реки

все трудоспособные члены общины: этого события ждали — охотничье оружие было наготове, места возможной охоты были заранее определены.

Чрезвычайно много людей для такой охоты не требовалось: обходились силами 1–2 левобережных поселений и не брали с собой маленьких детей и стариков. Управлять движением стада диких копытных на деле значительно проще, даже без обученной пастушьей собаки, чем это кажется современному горожанину. «В свою бытность студентом я летом подрабатывал тем, что пас колхозный молодняк крупного рогатого скота, крутя его стадо на ограниченных участках среди посевов зерновых и кормовых культур. Главное при этом было — правильно определить направление движения стада, а затем корректировать его, заходя то слева, то справа так, чтобы животные тебя видели и в процессе пастбища постепенно смещались в противоположную сторону; если одного хождения в их виду было недостаточно, можно было дополнительно с разной интенсивностью размахивать руками, одеждой, свистеть, кричать и хлопать бичом. Если надо было перегородить скотине путь, приходилось забегать перед стадом и с требуемой интенсивностью проделывать все это на его пути, разворачивая животных по дуге, но ни в коем случае не вспяты, когда у них возникает искушение прорваться вперед, мимо тебя. Немного сложнее было управляться с гуртами телок и нетелей при их обработке лекарствами и вакцинами, когда их надо было направлять в раскол на весовой — они не хотели заходить со света в темное помещение, да еще и в узкий проход, брыкаясь, пугаясь и пытаясь прыгать друг через друга. Но даже с пугливыми нетелями, уже имевшими негативный опыт общения с недобрыми людьми, я обходился в одиночку, не обращаясь к помощи запойных скотников, которые только портили процесс работы с животными, по-скотски матерясь, колотя скотину черенками метел и доводя их до испуганного дрожания. Я же молча обходился всего лишь спокойными перемещениями, перемином с ноги на ногу, короткими посвистываниями сквозь зубы да иногда — размахиванием руками или распахиванием телогрейки (для зрительного увеличения своих размеров), — и нетели шли

туда, куда мне было надо, боясь людей вообще, но не впадая в панику и не делая попыток перепрыгнуть через 1,5-метровый забор» [10]. Размахивание куском шкуры в качестве средства управления стадом бизонов использовалось и американскими индейцами (рис. 6).

У плейстоценовых охотников были проблемы и несколько иного рода — как сделать так, чтобы любопытство у объектов их охоты не преобладало над страхом перед людьми. В частности, бизоны чрезвычайно любопытны и, в отличие от лошадей, обладая не очень хорошим зрением, стремятся сблизиться с нераспознанным объектом, чтобы рассмотреть его и при возможности обнюхать. Этой особенностью поведения пользовались не только плейстоценовые охотники, но и современные (в XVII–XIX вв. и ранее) американские индейцы в одиночных охотах на бизонов (рис. 7).

Чтобы перекрыть путь по плакору стаду бизонов или табуну лошадей, достаточно было спрятать на их пути 3–4 человек с длинными шестами, на которых крепились полотнища или развернутые шкуры с нарисованными глазами, и время от времени поднимать их или размахивать ими, а затем опять прятать. При этом животные предпочитают обойти незнакомую им потенциальную опасность и свернуть в кажущуюся им безопасную сторону, не зная, что впереди их ожидает крутой речной обрыв. Такая деталь, как нарисованные глаза, в качестве элемента формирования страха у животных применяется в охотничьей практике многих народов «примитивных» охотничьих культур [34]; и даже при защите аэродромов от стайных птиц [35]: на дальнем расстоянии изображение может привлекать к себе животных, на близком — отпугивать.

Несомненно, заворачивание группы животных в естественную ловушку требовало от загонщиков не только хорошего знания особенностей поведения объектов охоты, умения распознавать нюансы поведенческих реакций, но и координации собственных действий: от умения загонщиков зависел успех начатой охоты.

Оказавшиеся меж двух оврагов стадо бизонов или табун лошадей не спеша направлялись к обрыву

Рис. 6. Сцена охоты на бизонов индейцами Северной Америки в XVIII в., художник А.-Я. Миллер. Серия картин «Охота на бизонов», из открытых интернет-источников [33]

Рис. 7. Бизоны, с любопытством рассматривающие приближающихся охотников — индейцев Северной Америки, XVIII в., художник А.-Я. Миллер. Серия картин «Охота на бизонов», из открытых интернет-источников [33]

и достигали критической отметки — того места, с которого животные не травмируясь еще могли бы спуститься в левый или правый овраги и уйти через верхнюю неглубокую часть оврага прочь, а после которой — только скатиться в них кувырком, переломав при этом конечности и позвоночник. После этого из засады выскакивали все участники охоты и с воплями, размахивая руками и кусками шкуры, наращивая панику среди животных, гнали их к обрыву, где, теснимые друг другом, некоторые из них падали вниз и расшибались, а остальные делали попытку прорваться вправо или влево. При этом некоторые из них сваливались с речного обрыва или в овраги, а остальные мчались мимо охотников, подставляя бока под удары копий. Даже в том случае, когда животные прорывались через цепь охотников и загонщиков назад, на плакор, прочь из естественной ловушки, охотники сближались с ними на рас-

стояние до 20 шагов. Это позволяло им сделать смертельный бросок копьём, убив или тяжело ранив пробежавшее мимо животное, чтобы потом найти этого подранка и добить его (рис. 8).

На наскальной фреске полихромного ансамбля в пещере Альтамира в едином масштабе изображена группа бизонов. Это изображение может быть интерпретировано как следствие удачной загонной охоты, результатом которой стала добыча более десятка бизонов разного пола и возраста, разбившихся в результате падения с высоты и лежащих на берегу реки под обрывом (рис. 9).

Для крупного травоядного животного перелом конечности в любой ее части являлся травмой, несовместимой с жизнью, поскольку в последующем из-за ограниченности возможностей перемещения определял оторванность от стада, лишая покалеченную особь его групповой защиты, и делал легкой

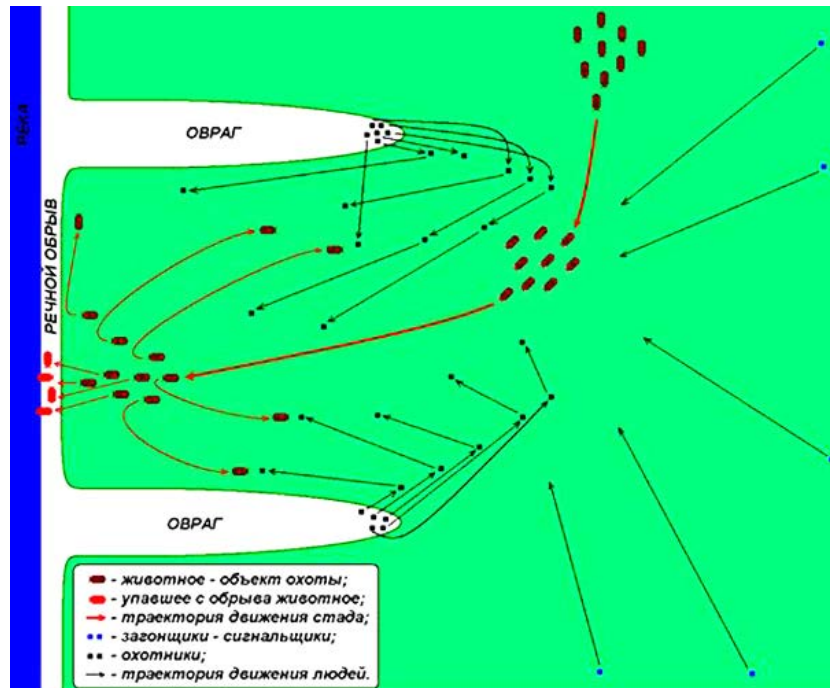

Рис. 8. Авторская реконструкция плейстоценовой загонной охоты на крупных стадных травоядных копытных животных на крутояре правого берега р. Иртыш с использованием особенностей рельефа местности

жертвой хищников, в т. ч. человека. Но падение с высоты нередко определяло достаточно быструю смерть животного, наступавшую в результате полостного или наружного кровотечения вследствие разрыва печени, селезенки, легких, других внутренних органов. Иными словами, упавшие с речного обрыва бизоны и лошади были обречены.

Охотиться таким образом на стадных копытных было легче, чем потом перерабатывать добычу — снимать шкуры, потрошить и разделять туши, коптить, вялить и сушить мясо, вытапливать жир и извлекать из трубчатых костей желтый костный мозг. Ливер съедали сырым или слегка обжаренным в первые же несколько дней, не давая ему протухнуть. Все остальное становилось запасом на зиму: заготовленное мясо с наступлением зимних холодов сохранялось без каких-либо дополнительных хлопот. Но если холода задерживались, мясо приходилось обрабатывать: сушить, квасить, делать из него пеммикан (сушеное мясо смешивалось с жиром и хранилось в плотно завязанных кожаных мешках на холоде, что уберегало пеммикан от прогоркания).

Наиболее вероятно, что загонные групповые охоты на крупных копытных зверей в плейстоцене и раннем голоцене производились осенью, когда отъевшиеся на летних пастбищах стада начинали кочевки к местам зимовок. К этому времени мясо и шкура копытных зверей приобретали наилучшее качество. Шкуры использовались для обустройства зимних жилищ, и если в качестве покрышек, то без всякой обработки при отсутствии необходимости в этом, поскольку часть из них, сгнившая за год, при следующей осенней охоте заменялась новыми.

Сухожилия в качестве крепкого материала при изготовлении оружия и предметов быта, конский волос из хвостов для изготовления тетивы охотничьих луков, хвосты (дистальные части с кистью концевых волос), фрагменты черепов (рогов, рого-

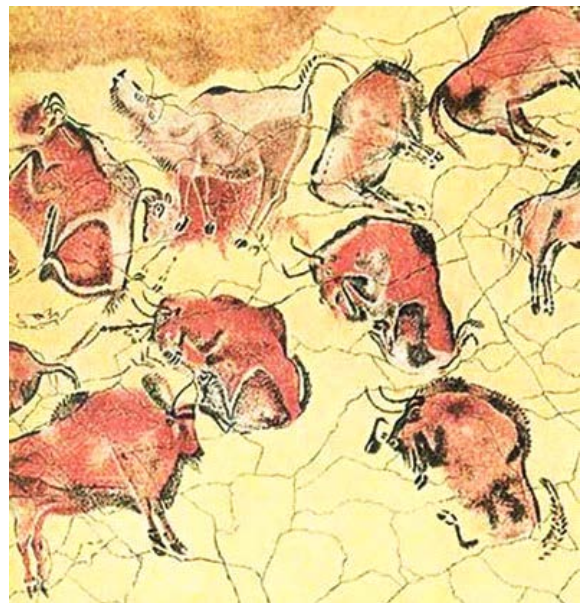

Рис. 9. Позднепалеолитический рисунок группы бизонов степных, комбинация гравюры и рисунка на фрагменте полихромного ансамбля левой части Большого плафона пещеры Альтамира (*La cueva de Altamira*), Сантандер, Испания, маденская культура (15 тыс. лет назад)

вых чехлов) для украшения ритуальных и охотничьих костюмов и предметов быта (рис. 10) и прочее заготавливались в необходимом количестве.

Возможно, плейстоценовые племена в СП могли обходиться и без массовой добычи с правого берега, одной только рыбой и одиночными оленями, лосями и косями. И когда миграционные пути бизонов

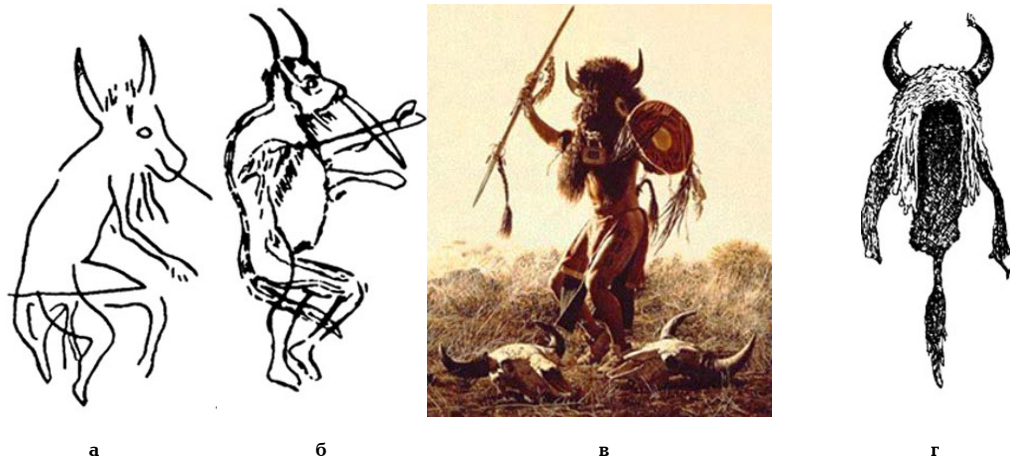

Рис. 10. Использование фрагментов охотничьей добычи бизонов в ритуальных костюмах:
 а, б — изображения шаманов, фрагменты композиции, пещера Трех Братьев (*Cave Trois-Frères*), Франция;
 в — изображение ритуального танца североамериканских индейцев, художник Дж. Бама «Танец бизона»,
 Музей всемирного искусства, США;
 г — костюм бизона, используемый в ритуалах североамериканскими индейцами XVII в.,
 из открытых интернет-источников [36]

и лошадей по правобережью отступали далеко от берега, вероятно, так и было.

Следовательно, культура загонных групповых охот на берегах сибирских рек в плейстоцене включала в себя комплекс знаний и навыков по управлению стадами крупных копытных животных, имевших существенные нюансы для разных видов — бизонов, лошадей и др., использование охотничьего оружия для нанесения животному несовместимых с жизнью травм, способов массового разделывания значительного количества жертв, массовой заготовки мясных продуктов и шкур с их последующим применением. Поскольку загонная групповая охота была событием ожидаемым, а ее успешность зависела не только от знаний и умений людей, но и от ряда случайностей, она не могла не предваряться соответствующими религиозными ритуалами по меньшей мере двух типов — связанных с ожиданием прихода потенциальной добычи и обеспечением успешности охоты. И заключаться ритуалами ликования от обильности добытой пищи, шкур и проч. (рис. 11).

Очевидно, что культура загонных групповых охот в плейстоцене была распространена не только в Европе, но и на берегах сибирских рек. Однако отсутствие костей в местах проведения таких охот и разделки туш объясняется просто: поскольку охота производилась на правом берегу реки, кости после разделывания туш оставались там же, под речным обрывом, и с очередным весенним половодьем бывали смыты в русло реки и ее течением растаскивались и погребались под донными отложениями, не формируя сколько-нибудь заметных скоплений.

Эта же культура загонных групповых охот в неизменном виде до определенного времени существовала и в Северной Америке, но с появлением там завезенных европейцами лошадей изменилась в сторону упрощения: в этой культуре были утрачены тонкие навыки управления стадами, в пешем порядке направляемыми в нужное охотникам место. После приручения одичавших лошадей индейцами Северной Америки их традиционная охота на бизонов была модифицирована, поскольку процесс охоты значительно облегчился. Сначала всадниками вносилась паника в стадо бизонов, затем это стадо разогнали в нужном направлении — к речному обрыву

Рис. 11. Изображение праздника ритуального поедания туши бизона (гравюра на обломке кости из Реймондена (*Reymondin*), Франция, длина 8,7 см). Ранее интерпретировалась как «...на длинный гарпун наколота бизонья голова» [37]

(рис. 12а), нередко с использованием лошадей в качестве тарана и принудительным сталкиванием бизонов вниз (рис. 12б, в). В результате этого бизоны падали с обрыва, получая несовместимые с жизнью травмы, после чего их добывали и разделывали.

Однако такие приемы, как устрашение бизонов размахиванием кусками шкур, в традиционной культуре загонных групповых охот сохранились (рис. 12в, изображения слева сверху). При этом следует заметить, что ни на одном известном арт-объекте с изображением загонных групповых охот североамериканских индейцев нет людей с факелами, пытающихся днем с помощью огня запугать бизонов.

Показавшиеся удачными реконструированные методы загонной групповой охоты на крупных копытных, производившейся в равнинной части Европы, были экстраполированы на предшественников/современников *Homo sapiens* — *Homo neanderthalensis* для объяснения их способов охоты в горной местности на горных козлов и баранов. Неандертальцы из грота Тешик-Таш (Узбекистан) специализировались на охоте на козлов сибирских *Capra sibirica*: «...они загоняли козла на скалистые утесы, отделенные от других утесов глубокими расселинами... Те же, которым не удавалось перепрыгнуть пропасть, падали на ее каменистое дно, где и оставались лежать с переломанными конечностями, пока неандертальцы не добивались до своей добычи» [28: картина 14, коммент.] (рис. 13а).

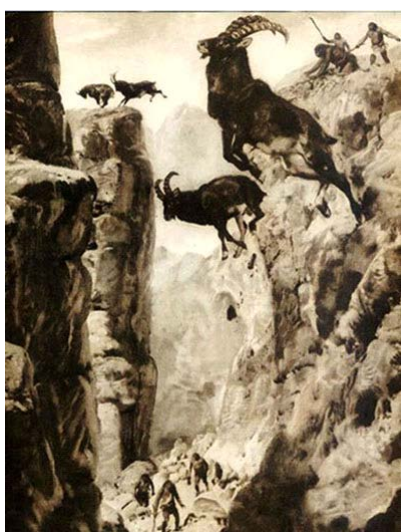
а

б

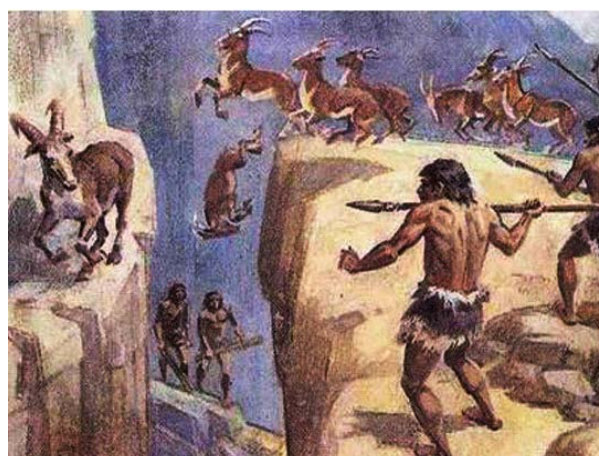

в

Рис. 12. Сцены охоты на бизонов *Bison bison* индейцев Северной Америки в XVIII в., художник А.-Я. Миллер. Серия картин «Охота на бизонов», Музей всемирного искусства, США, из открытых интернет-источников [33]

а

б

Рис. 13. Сцена плейстоценовой охоты неандертальцев (а) на козла сибирского, киика *Capra sibirica* из [28: картина 14]; и людей разумных (б) на козла горного альпийского, ибекса *Capra ibex*, место и художник не установлены, из открытых интернет-источников [38]

Однако отдельные детали свидетельствуют о безграмотности некоторых изображений. В частности, непонятно, для чего в преследовании ибекса по скалам охотникам надо таскать за собой тяжелые дубины (рис. 13, изображения в центре внизу). Чтобы плющить ими разбившегося в ущелье козла?

Выводы.

1. Известные современные арт-объекты с соответствующими реконструкциями содержат дефекты, обусловленные незнанием традиционной культуры загонной групповой охоты на крупных копытных зверей, особенностей их поведения, отсутствием логики у их авторов в установлении реконструируемых причинно-следственных связей.

2. Отсутствие следов загонной групповой охоты на крупных копытных зверей в виде скопления костей не является основанием для утверждения отсутствия таковой на берегах сибирских рек во времена плейстоцена и раннего голоцена.

3. Практика загонных групповых охот в плейстоцене и раннем голоцене включала в себя комплекс знаний и навыков по управлению стадами крупных копытных животных, имевших существенных нюансов для разных видов — бизонов, лошадей и др., использование охотничьего оружия для нанесения животному несомнимых с жизнью травм, способов массового разделывания значительного количества жертв, массовой заготовки мясных продуктов и шкур с их последующим применением.

Библиографический список

1. Флеров, К. К. Основные черты формирования фауны млекопитающих четвертичного периода в северном полушарии / К. К. Флеров // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. — 1955. — Т. 12. — С. 121–126.

2. Флеров, К. К. История бизонов и причины изменения их ареалов / К. К. Флеров // История биогеоценозов СССР в голоцене. — М.: Наука, 1976. — С. 166–175.

3. Кассал, Б. Ю. Животные Омской области: биологическое многообразие: моногр. / Б. Ю. Кассал. — Омск: АМФОР, 2010. — 574 с.

4. Кассал, Б. Ю. Бизон степной первобытный. Мамонт волосатый / Б. Ю. Кассал // Энциклопедия Омской области. В 2 т. Т. 1. А–М; под общ. ред. В. Н. Русакова. — Омск: Ом. кн. изд-во, 2010. — С. 135, 587.

5. Кассал, Б. Ю. Непарнокопытные. Парнокопытные / Б. Ю. Кассал // Энциклопедия Омской области. В 2 т. Т. 2. М–Я; под общ. ред. В. Н. Русакова. — Омск: Ом. кн. изд-во, 2010. — С. 76, 181.

6. Кассал, Б. Ю. «Осколки» плейстоценовой мегафауны в степях Среднего Прииртышья / Б. Ю. Кассал // Степной бюллетень. — 2014. — № 42. — С. 45–51.

7. Gibbons, A. Oldest *Homo sapiens* genome pinpoints Neandertal input / A. Gibbons // Science. — 2014. — № 343 (6178). — P. 1417.

8. Genome sequence of a 45,000 yearold modern human from western Siberia / Q. Fu [et al.] // Nature, vol. 514. 2014, october, 23. — Macmillan Publishers Limited. All rights reserved. — P. 445–450.

9. Кассал, Б. Ю. Этологическая информативность палеолитических изображений проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* / Б. Ю. Кассал // Омская биологическая школа: межвуз. сб. науч. тр. Ежегодник. Вып. 5; под ред. Б. Ю. Кассала. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. — С. 100–111.

10. Кассал, Б. Ю. 60 секунд по парку, которого не было (XXI путешествие омского натуралиста) / Б. Ю. Кассал. — Омск: Первопечатник, 2009. — 166 с.

11. Кассал, Б. Ю. Проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* на палеолитических изображениях / Б. Ю. Кассал // Эволюция жизни на земле: материалы IV Междунар. симпозиума, 10–12 ноября 2010 г., Томск, ТГУ; отв. ред. В. М. Полбина. — Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. — С. 607–610.

12. Кассал, Б. Ю. Дикие лошади Среднего Прииртышья / Б. Ю. Кассал // Табунное коневодство на юге Средней Сибири: материалы науч.-практ. конф., 5–8 августа 2014 г., г. Абакан. — Абакан, 2014. — С. 39–43.

13. Кассал, Б. Ю. Дикие копытные на степной территории Среднего Прииртышья / Б. Ю. Кассал // Степной бюллетень. — 2014. — № 40. — С. 44–47.

14. Кассал, Б. Ю. Палеолитические изображения представителей рода *Bison*: зоологическая оценка одного аспекта / Б. Ю. Кассал // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2014. — № 3 (4). — С. 103–106.

15. Shackleton, N. J. The Stratigraphic Record of Deep-Sea Cores and Its Implications for the Assessment of Glacials, Interglacials, Stadials, and Interstadials in the Mid-Pleistocene / N. J. Shackleton // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene. — Hague: Mouton Publishers, 1975. — P. 1–24.

16. Украинская советская энциклопедия. В 12 т. Т. 1 / Под ред. М. Бажана. — Киев: Гл. ред. УСЭ, 1974. — С. 227.

17. Верещагин, Н. Охота наших предков / Н. Верещагин // Охота и охотничье хозяйство. — 1975. — № 2. — С. 39–41.

18. Чугуенко, М. В. Моя Украина. Иллюстрированная энциклопедия для детей / М. В. Чугуенко. — Харьков: Веста: Ранок, 2006. — 128 с.

19. Зализняк, Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л. Л. Зализняк. — Киев: Наукова думка, 1984. — 120 с.

20. Зализняк, Л. Л. Первісна історія України: навчальний посібник / Л. Л. Зализняк. — Київ: Вища школа, 1999. — 263 с.

21. Зализняк, Л. Л. Археологія України / Л. Л. Зализняк. — Київ: Либідь, 2005. — 504 с.

22. Україна крізь віки. У 15 т. Т. I. На світанку історії / Гол. ред. В. А. Смолій, К. В. Бунятян, В. Ю. Мурзин, О. В. Симоненко. — Київ: Альтернативи, 1998. — 335 с.

23. Toussaint, M. Problématique chronologique des sépultures du Mésolithique mosan en milieu karstique / M. Toussaint // Notae Praehistoricae, 2002. — Vol. 22. — P. 141–166.

24. Schultz, G. W. My life as an Indian / G. W. Schultz. — Boston and New York: OCR, Spellcheck, 1906. — 180 с.

25. Carrasco, M. A. Quantifying the Extent of North American Mammal Extinction Relative to the Pre-Anthropogenic Baseline / M. A. Carrasco, A. D. Barnosky, R. W. Graham // PLoS ONE 4 (12): e8331. Doi: 10.1371/journal.pone.0008331.

26. Gill, J. L. Pleistocene megafaunal collapse, novel plant communities, and enhanced fire regimes in North America / J. L. Gill // Science. 326 (5956). 2009. 1100–1103.

27. Koch, P. L. Late Quaternary extinctions: state of the debate / P. L. Koch, A. D. Barnosky // Ann. Rev. Ecol. Evol. Syst., 2006. — P. 215–250.

28. Аугуста, Й. Жизнь древнего человека / Й. Аугуста, З. Буриан // Под ред. М. Ф. Нестурха. — Прага: АРТИЯ, 1960. — Картины 14, 26, коммент.

29. Hunter, J. A. Hunter / J. A. Hunter. — London: Hamilton, 1952. — 242 p.

30. Шомбургк, Г. Дикая Африка / Г. Шомбургк. — М.: Армада-Пресс, 1999. — 444 с.

31. Режим доступа: <http://paleontologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000002/pic/000100.jpg/>. — Загл. с экрана (дата обращения: 05.05.2015).

32. Рейнгард, Я. Р. Деградация почв экосистем юга Западной Сибири: моногр. / Я. Р. Рейнгард. — Лодзь, Польша, 2009. — 636 с.

33. Режим доступа: <http://www.bayanay.info/uploads/posts/2013-05/1367703528/>. — Загл. с экрана (дата обращения 05.05.2015).

34. Берндт, Р. М. Мир первых австралийцев / Р. М. Берндт, К. Х. Берндт. — М. : Наука, 1981. — 447 с.

35. Звонов, Б. М. Стратегия защиты объектов народного хозяйства от птиц / Б. М. Звонов // РЭТ-инфо. — 2006. — № 4 (60). — С. 42–46.

36. Режим доступа : https://yandex.ru/images/search?p=1&text=%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%BE%D1%80&img_url=http%3A%2F%2Fwww.symbolarium.ru%2Fimages%2Fa%2Fa9%2F00-02-939-000.jpg&pos=30&rpt=simage (дата обращения: 05.05.2015).

37. Елинек, Е. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека / Е. Елинек. — Прага : Артия, 1982. — С. 277, 458.

38. Жизнь древнего человека. — Режим доступа : <http://pegasov.pro/index.php/template-2/item/270-жизнь-древнего-человека> (дата обращения: 05.05.2015).

КАССАЛ Борис Юрьевич, кандидат ветеринарных наук, доцент (Россия), старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела.
Адрес для переписки: BY.Kassal@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2015 г.

© Б. Ю. Кассал

Книжная полка

Семина, В. П. История России: проблемы и вопросы : учеб. пособие для студентов неист. специальностей / В. П. Семина, М. В. Шадская. — М. : КНОРУС, 2016. — 654 с.

Рассматриваются проблемные, спорные вопросы Российской истории. Проводится анализ проблем и теорий, связанных с преобразованием Древнерусского государства, даются ответы на вопросы: на чьей стороне историческая правда — норманнов и антинорманнов? кто такой Рюрик? кто же создал государственность у древних славян? Раскрываются взгляды Ивана Грозного на проблемы государственного строительства, дается ответ на вопрос, кто такие самозванцы на Руси. Анализируются крестьянские войны, место дворянского сословия в Российском обществе, оценки исторической наукой Петровских реформ. Соответствует действующему Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования нового поколения. Для студентов вузов неисторического профиля, а также для преподавателей и абитуриентов.

Скобелев, К. В. Количественные методы в истории : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / К. В. Скобелев. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

В конспекте лекций рассматриваются вопросы, связанные с построением вариационных рядов и применением в исторических исследованиях выборочного метода. Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

Березина, Т. Ю. Мы были... : воспоминания о войне / Т. Ю. Березина, Я. А. Лугина. — Омск : КАН, 2015. — 206 с.

В альманахе, над которым работали преподаватели факультета филологии, истории и права и студенты филиала, вошли воспоминания, фотографии, письма, принадлежащие ветеранам Великой Отечественной войны, труженикам тыла, детям военного времени.

Федоров, В. А. История России 1861–1917 гг. (с картами) : учеб. для acad. бакалавриата / В. А. Федоров. — 4-е изд. — М. : Юрайт, 2015. — 494 с. — ISBN 978-5-9916-4977-3.

Книга является продолжением учебника под редакцией Н. И. Павленко «История России с древнейших времен до 1861 года». В учебнике излагаются события истории России 1861–1917 годов. Отличие издания — изложение материала по проблемно-хронологическому принципу. Помимо представления политической истории России, автор использует новый подход в освещении таких важных вопросов, как развитие экономики и социальной структуры общества, достижения русской культуры конца XIX — начала XX века, культурные связи России с другими странами. Издание снабжено историко-географическими картами, схемами центральных и местных государственных учреждений, общественного и церковного управления. Учебник содержит хронологическую таблицу и библиографию (документальные публикации, монографии преимущественно последних лет). Книга может быть полезна студентам для более углубленного изучения курса и практических занятий.

Рыбаков, Р. В. История Омской области : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Р. В. Рыбаков. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История Омской области», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.